

Татьяна Доброхотова

Такая карма

Татьяна Доброхотова

Такая карма

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18324334

ISBN 9785447467760

Аннотация

Остросюжетный роман-путешествие о любви и счастье. Читателя окружит солнечный, экзотический, пряный мир – Индия. А еще это рассказ о хиппи семидесятых и восьмидесятых годов прошлого столетия, о рае, созданном в Гоа. Это попытка вернуться в прошлое, по-прежнему притягательное для многих.

Содержание

Пролог	6
Он (много лет назад)	15
Она	36
Он (сейчас)	62
Она	68
Он (много лет назад)	75
Она	87
Конец ознакомительного фрагмента.	89

Такая карма

Татьяна Доброхотова

Посвящаю всем, кто был молод в 1970—80-е.
Автор.

© Татьяна Доброхотова, 2016

© Лала Еолян, дизайн обложки, 2016

© Елена Ершова, иллюстрации, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Цель каждому в его судьбе,
Борись мечом или идеей,
Но нету жребия трудней,

Как подчинить себя себе.

Дхаммапада. В переводе Еремея Парнова.

Тогда желание и случай

Не будут властны над тобой.

Вот путь единственный и лучший

Из клетки, скованной судьбой.

Дхаммапада. В переводе Еремея Парнова.

Пролог

Очень трудно поверить в то, что когда-то давным-давно не было на земле ничего, ни печалей, ни радостей, ни страданий, потому что все это появилось только вместе с человеком. Это наш, человеческий разум препарирует и осмысливает то, что случается вокруг. И от века к веку повторяется: рождение, жизнь, любовь, смерть. И кажется, уже давно сказано, прочувствовано, прожито, так же было всегда: и тысячи, и сотни, и десятки лет назад. Понятно, записано уже все, что может в мире случиться, и случалось уже многие разы. Но рождаются новые поколения, и все повторяется сначала. Известно все человечеству, а просто для человека по-новому и единственный раз, и не может он сам отследить закономерности, и не знает каким правилам следовать, потому что не сможет повторить или исправить, по крайней мере, в этом воплощении, и есть у него только свой единственный, индивидуальный путь, который и называется жизнь. И создает он вокруг целый мир, подобно древним богам, только один раз и лично для себя. Это только боги – для всех.

Когда-то всю земную сушу покрывал океан. Земля вынужденно подчинялась океану, потому что находилась глубоко под ним, под многотонной массой воды, давящей на нее. А ей хотелось выбраться, стать самостоятельной, родить плоды, семена которых уже зрели внутри нее. Океан

правил ей и тоже скрывал внутри дары, необходимые для будущей жизни, но пока некому было принять эти дары, ибо жизни на земле тоже не было. Океан был грозен, как и полагалось правителю всего сущего, а земля – мягкая и зависящая, потому что несла в себе женское начало.

А потом внутри воды появилось золотое яйцо, появилось само, и откуда, никому неизвестно. Каким оно было – никто не может сказать точно, потому что некому было на него глядеть, сравнивать и описывать. Это было словно в лоне матери, до сих пор никто толком не возьмется объяснить, как из двух клеток вдруг зарождается новая жизнь. Так и тут, вода и земля сошлись вместе, чтобы в мире родилось что-то новое. Внутри яйца спал и набирался сил Брахма, чтобы когда-нибудь проснуться и заняться миром.

И однажды это свершилось, настало время пробуждения. Первой проклюнулась, ожила сила мысли древнейшего из богов, пока сам он еще продолжал спать и не обрел тела. Да, так, мысль сильнее тела и почти независима от него, потому что отличает и выделяет бога и человека от всего иного вокруг. Это она разделила первая яйцо на две половинки, чтобы выпустить в мир то, что было внутри. Одна часть скорлупы стала землей, а другая – небом. И настал день, когда почувствовал Брахма, как тяжело суше лежать на дне океана, и в образе вепря погрузился в пучину, поднял на мощных своих клыках землю из водных глубин. Так появился мир. Брахма много-много раз создавал мир вновь и вновь,

и каждый раз по-новому. Никто не знает, сколько миров существовало до нашего и сколько будет после него. От того и древние боги так похожи на людей, что наделял их человек качествами, недоступными самому: заранее все знать, не ошибаться. Но даже богам далеко не все удается сразу, просто в их власти переделать, и сомневаются они, и мучаются незнанием, и, бывает, совершают ошибки, пусть они и боги.

На небе Брахма поместил звезды, а на земле появились горы, равнины, реки и моря. Простор между небом и землей бог наполнил чистым свежим воздухом. А потом он создал год и стал прародителем времени. И принял бог тело, созданное из тьмы, а потом отверг его, так появилась ночь. Затем принял новое тело, созданное по большей части из добра и света, а потом отбросил и это тело, которое стало днем. И сейчас люди посещают храмы и поклоняются богам именно днем, а не ночью. А четвертое отвергнутое тело бога стало луной. И по сей день люди при лунном свете танцуют, поют и занимаются любовью. Кажется, просто угодить богам, живи легко и естественно, так, как они хотят для нас, соблюдай день и ночь, цени время, не растрачивай его по пустякам. Но не может человек во всем соответствовать богам, пусть и старается, получается у него только то, что получается. Боги не оставляют людей одних, пытаются, как могут, защитить в затруднениях, но слишком много нас, нуждающихся в их помощи, а потому не всегда все происходит сразу и так, как

хотелось бы. Бывает, случается все через много лет, когда уже и не ждешь. Помощь богов, еще заслужить надо, а можно и их гнев на себе испытать, это уж как повезет самому разобраться в том, что творится вокруг.

Потом Брахма огляделся по сторонам, и понял, что он совсем один в созданном им мире. И стало ему тут же скучно, одиноко и даже немного страшно. Ведь в одиночестве никогда нет радости. А вокруг него ничего, кроме его самого, и бояться-то вроде нечего, когда ты один. Но и в наши дни встречаются одинокие люди, чей единственный спутник – страх, даже если им некого бояться. И борются люди с одиночеством, или мирятся с ним, пытаются ужиться, потому что нет у них таких возможностей как у богов, устроить все по своему усмотрению.

И тогда бог заселил землю и море множеством существ: от сильнейших великанов до слабых тварей, тех, кто плавает, ползает или селится в древесных кронах. Все качества, которыми сейчас наделены живые существа, происходят из мыслей Брахмы и пребывают неизменными, пока существует этот мир. Все живые существа, населяющие Землю, были созданы посредством деяний Брахмы, который дал им все имена и разделил на мужской и женский пол. Брахма живет в каждом существе, ибо все они возникли из него.

Создавая людей, Брахма силой мысли разделил свое временное тело на две половины, подобно тому, как расщепляется раковина устрицы. Одна половина стала мужской, дру-

гая – женской. Мужчина и женщина взглянули друг на друга в самый первый раз и поняли, что они половинки единого существа. Они полюбили друг друга, чтобы соединиться вновь. Так в мир пришла любовь, по божьей воле, и нет у людей сил противиться ей, потому что слаб человек, пусть и подобен богу. И отсюда пошел род человеческий. И с тех пор счастливые супруги – словно две половины единого существа, и в обеих живет Брахма, а несчастная любовь негодна богам, потому что и не любовь вовсе, а только иллюзия, если нет в ней света и радости, если сами мужчина и женщина не сделали ее такой, презрели волю небес.

Даже первая женщина не была послушной, она подумала: «Как мы можем любить друг друга, если мы – части одного существа?» И попыталась убежать от мужчины, превратившись в корову. Тогда мужчина вынужден был превратиться в быка, и вместе они положили начало всему домашнему скоту, а корова стала в Индии священным животным, потому что стала первым творением уже человека.

А еще Брахма создал богов, а те, в свою очередь, тоже породили богов. И нет числа у потомков Брахмы. У божественной Адити родилось двенадцать светлых сыновей, но всех их превзошел славой младший, Вишну, хранитель мироздания, владыка вселенной. Однажды он в только что распустившемся бутоне розы нашел спящую девушку. Мир до этого еще не видел таких красавиц. Вишну разбудил ее поцелуем и сделал своей женой и богиней красоты Лакшми. С тех пор

Лакшми и Вишну – божественная пара, отвечающая за радость, любовь, добрые начинания во всей вселенной. Они всегда помогают тем, кто молится и верит. Никогда Лакшми не оставит женщину, оказавшуюся в тяжелом положении, если только вела она себя всегда как женщина, а не старалась превзойти в своей гордыне мужчину, подаст помощь, вмешается в самый критичный момент. Нет в мире богини сердобольней и добрей.

Гоа создал бог Парашурама – шестое воплощение бога Вишну. Его меч принес бесчисленные смерти, потому что такова была задача этого воплощения, и вот, наконец, когда все бои в его жизни были выиграны, он поднял свой лук, сделанный из крепкого ясеня, в последний раз. Наложил золотую стрелу. Вокруг него был рай – изумрудно-зеленый лес из пальм, белоснежный песок, бирюзовое море с белыми завитушками волн. Великий воин натянул тетиву и выпустил стрелу далеко в море, и приказал волнам отойти до того места, куда упала стрела. И отхлынули воды, обнажив белую донную землю. И принес бог великую огненную жертву, разжег огромный, до самого неба, костер, и была она принята благосклонна. Божественный дух принял под опеку новые земли, оберегая от бед. И создан был мир, достойный богов, Гоа. Девяносто шесть семей браминов поселились здесь под стройными пальмами. Тут всегда будет спокойно, счастливо и прекрасно. Парашурама повернулся, и медленно пошел прочь, остаток жизни он проведет в изгнании, на горе Ма-

хендре.

Даже сам бог любви Кришну был очарован новым пейзажем. На глаза ему попались прекрасные пастушки, плещущиеся в морских волнах. Кришна, как делал всегда, достал свою волшебную флейту, и полилась божественная мелодия, против которой еще не удалось устоять никому. Девушки, выбравшись на берег, танцевали с Кришну до утра, забыв обо всем. Между тем, их животные разбрелись по берегу, по всем пляжам. Долго потом пастушки искали своих питомиц, но не смогли собрать всех. И по сей день бродят по всем пляжам Гоа те самые коровы, пытаясь отыскать своих прекрасных хозяек. Корова на хинди «гов», поэтому эта чудесная местность называется Гоа.

Гоа видел тысячи волшебных историй, в том числе и о любви, и сохранил навеки. Чуть южнее Панаджи, находится живописный залив Дона Паула. Рядом – небольшая рыбацкая деревня с таким же названием. И по сей день, дважды в сутки отправляются отсюда лодки за уловом далеко в море. Когда-то красавица и богачка Дона полюбила тоже красивого, честного и храброго, но бедного рыбака Паола. Долгие дни девушка проводила на скале, всматриваясь в морскую гладь в ожидании любимого, пока он выполнял свою тяжелую работу. Но родители ее не хотели такого брака, не разрешали встречаться влюбленным. И тогда они решили соединиться навечно там, где уже не будут подчинены земным законам. Взявшись за руки, влюбленные вместе бро-

сились со скалы вниз, на камни. И обратились сами в камень, в статую, напоминающую всем до сих пор о божественной любви, победившей смерть.

Сначала этот рай принадлежал только тем, кто в нем родился. Здесь жил по-детски доверчивый и веселый народ, как и должно быть в райских местах. Но так не могло продолжаться вечно. Слух о самом конце вселенной, где земля соединяется с морем, прошел по всей планете. На свете оказалось много людей, которым захотелось увидеть, как садится там солнце, совсем не так как в других уголках земли. Огромный огненный диск на несколько минут зависает у самой кромки воды, а потом с шипением и брызгами шлепается в морскую пучину, пропадает, тонет до утра. И вновь соединяются две половинки божественного яйца, наступает магическая тропическая ночь, время для танцев, музыки, любви.

Первыми сюда потянулись дети цветов, хиппи, из самых разных мест земного шара. Они устали от того что видели вокруг себя каждый день: политики, войн, лицемерия, и отправились скитаться по планете, чтобы найти спрятавшихся от людей богов, и добрались до Гоа, где боги так близко, что кажется, до них можно дотянуться, стали новыми райскими жителями, после тех, кто жил здесь несколько поколений. У них сложились свои собственные легенды и сказания о мире, и тоже, конечно, в первую очередь, о любви, потому что нет в мире чувства прекрасней и коварнее. Хиппи,

и все, что они придумали, уже стали частью мировой истории и здесь, вдали от шума и суеты большого мира, эти люди остались надолго, не смогли отказаться от рая, где живут только боги и те, кто подобен им, где все случается скоро, однажды, и навсегда.

А потом Гоа открылся для всех, чтобы принять, успокоить, обласкать усталых путников, забывших в своих загазованных городах о том, что бог создал людей по образу и подобию своему для того, чтобы самому не остаться в одиночестве, потому что нет в мире ничего неестественней и страшней.

Он (много лет назад)

Сейчас я часто не сплю по ночам, ворочаюсь до самого утра, не могу найти себе места. Говорят, бессонница – признак определенного возраста. Видимо, так оно и есть. Еще несколько лет назад все было так же как сейчас, но это во-все не мешало мне жить, не было нужды крутиться до утра в кровати и вспоминать то, что случилось так давно, что, кажется, уже и не происходило вовсе. И еще меня часто преследует мысль, что прожил я свою жизнь неправильно, не там и не с теми. Иногда, когда мне все-таки удается забыться на короткое время, утром не хочется открывать глаза, чтобы вступать в новый день, где, я знаю точно, будет тоже, что и всегда, все последние тридцать лет: те же заботы, знакомые лица, разговоры, шутки. Я давно их выучил наизусть и говорю, улыбаюсь, огорчаюсь автоматически, по привычке, особенно не вникая в то, что происходит вокруг меня. Так механически я живу, словно по вложенной давным-давно программе. И, кажется, я знаю, кто запрограммировал меня на такую жизнь, но до сих пор лечу вперед по той колее, на которую когда-то поставили. Теперь, когда уже нет необходимости что-то скрывать от самого себя и других, могу легко признаться, что во всем виноват только я один. Мне никогда не хватало характера, чтобы стать настоящим мужчиной и самому распорядиться тем, что принадлежит только

мне одному – своей судьбой. То есть сделать это тогда, когда она еще была у меня. Никто не знает, как мне опротивело все вокруг, а прежде всего – во что я превратился. Конечно, не раз приходили мысли, стоит ли так мучиться дальше, и я сладострастно обдумывал способы верного и безболезненного ухода, чтобы покончить со всем разом. Пока не понял, что и на это, увы, у меня не хватит духа. Вот и остается ночь за ночью перебирать воспоминания. Похоже, это самое ценное, что у меня осталось.

Моя юность была странная, потому что ей предшествовало странное детство, не такое как у всех в те времена, и это очень долго потом, когда я вступал во взрослую жизнь, мешало стать таким как все, а именно этого мне всегда хотелось. Потому что человек всегда хочет того, чего у него нет. Тот, кого изначально растили и воспитывали как всех – обязательно стремится к тому, чтобы стать оригинальным, выделиться, запомниться. Неважно чем: одеждой, манерой поведения, образом мыслей. Ему хочется, чтобы его заметили, сочли оригинальным, даже, пусть, для этого придется эпатировать всех вокруг.

А тот, у кого вот это, особенное, было с самого детства, наоборот, мечтает потом просто пожить, как все другие, может быть как раз для того, чтобы лучше осознать собственную исключительность и эксклюзивность, и чтобы хоть чуть-чуть начать ценить произвольные подарки той капризной дамы, что все мы называем Судьбой. Но это все лирика, тео-

рия, в них можно запутаться, если досконально не разобраться в том, о чем я хочу рассказать, в прихотливых изгибах моей собственной индивидуальной дороги. Поэтому больше не буду обобщать и делать выводы, лучше расскажу все по порядку.

Меня зовут Алексей, но долгое время был такой период, когда окружающие называли меня Алексом, потому что мое собственное имя казалось им слишком длинным и плохо произносимым, непривычным. Судьба обласкала меня еще при рождении, в тысяча девятьсот пятьдесят шестом году, когда я появился на свет в Советском Союзе, в очень непростой семье. Мой дед входил в свиту личных врачей Сталина, а это тогда означало очень многое. Конечно, после смерти вождя его по-тихому убрали с глаз долой, но сильно дед не переживал, потому что чинов, званий, денег, к тому времени заработал уже достаточно, да и потрудился за свою долгую жизнь немало. Шестикомнатная квартира на Смоленской площади и дача, больше похожая на виллу в Жаворонках имелись, а персональная машина с водителем была ему закреплена пожизненно, за исключительные заслуги перед нашим государством и правительством.

То, что деду пришлось поменять работу, вовсе не означало, что он, как говорится в старинных английских романах, «проводил все время в своем уголке возле камина», теперь он трудился в каких-то уже совсем никому из нас неизвестных местах. Помню, мне было лет тринадцать, и летом я

приехал к деду, мы вдвоем обитали на даче. Как-то направлялись за чем-то в Москву, когда водителю по радиации сообщили, что деду надо срочно подъехать в одно место, без него никак не обойтись.

– Эх, – расстроился он, – как на минном поле живу, даже день спокойно провести не дадут. И куда же мне прикажете тебя, Лешка, девать? Ладно, подождешь меня пару часиков, в парке погуляешь. Только никуда там не лезь.

На середине пути к Москве машина свернула с Минского шоссе на узкую, ведущую в сторону дорогу, мы недолго покрутились, потом вновь оказались на другом каком-то шоссе, еще нырнули в сторону и, наконец, остановились перед въездом в огромный парк, отделенный от мира глухим высоким забором. Из будки выскочили вооруженные охранники, проверили у деда документы, внимательно осмотрели номера машины. Все делалось неторопливо, с особенной, неподдельной тщательностью. Старший по званию долго рассматривал меня через открытое окошко нашей черной Волжанки, пока дед объяснял, что вызов застал его внезапно, вместе с внуком. Наконец, старшой благосклонно кивнул, и с мягким шелестом перед нами разъехались ворота, выкрашенные зеленой краской, с красными звездами посередине. Парк оказался ухоженный, с стриженным газоном, клумбами, где аккуратно, как по линейке, были чьими-то заботливыми руками высажены самые разные растения. За деревьями виднелась зеркальная гладь озера с маленькой приста-

нюю, возле нее покачивались весельные лодки и водные велосипеды. Вся обстановка походила на дорогой санаторий. Но вот странность – нигде никого не было: пустовали увитые хмелем беседки, никто не прогуливался по тенистым аллеям, яркие, словно только что покрашенные скамейки казались, словно в магазине: новехонькие, к ним еще ни разу никто не подходил. И полная тишина вокруг, только слышно, как в листве деревьев щебечут птицы. Красивое место, только словно вымершее, вымороченное.

Машина подъехала к большому зданию с огромными окнами, мраморными колоннами, затейливыми каменными перилами на крыльце. Дед вышел и почти побежал внутрь, еще раз наказав мне:

– Иди, погуляй, где-нибудь подальше от входа, можешь искупаться, только веди себя тихо, никому не мешай.

Водитель отъехал в густую тень под деревьями и откинул сиденье с явным намерением подремать, пока выдалась свободная минутка, а я отправился вглубь парка. Вокруг было очень красиво, но мне, как и любому мальчишке в тринадцать лет, скоро прискучило бродить по дорожкам одному. Я вернулся к крыльцу, но там ничего не изменилось: шофер мирно похрапывал в теньке, а вокруг все так же – ни души. Глубоко вздохнув, отправился к озеру, раздумывая, не искупаться ли, действительно, все равно делать нечего, и распространяется ли дедов приказ о тишине на водный велосипед, на нем, пожалуй, с удовольствием прокачусь.

Обогнув здание, я увидел, что там, с другой его стороны, вся стена в маленьких, тоже увитых вьющимися растениями, балкончиках. На балконах стояли плетенные кресла, столы, шезлонги. На двух-трех сидели люди, кто-то читал, другие просто спали, никто не обратил внимания на мое появление. Я задрал голову, чтобы посчитать этажи, но тут услышал:

– Эй, парень, подойди сюда.

Совсем рядом со мной, на первом этаже, в полосатом шезлонге сидел мужчина. Тень от стены падала на балкон, поэтому я не заметил его раньше. Сначала, припомнив строгие слова деда, я хотел убежать, но меня не так воспитывали, чтобы я мог позволить себе не отозваться на обращенные ко мне слова взрослого человека. Я приблизился к балкону, проклиная себя, что зазевался и явно делаю то, что деду не понравится. Лицо мужчины показалось мне очень знакомым, но я никак не мог вспомнить, кто же это такой.

– Иди сюда, не бойся, – опять позвал он, – хочу тебя просто спросить. Какое сегодня число?

Удивившись вопросу, я все же ответил.

– А год?

Мои глаза уже привыкли после яркого солнца к тени, и я смог внимательнее приглядеться к своему собеседнику. Его лицо было очень знакомым, но глаза... словно две бездонные серые ямы, они смотрели вокруг так, будто их хозяин давным-давно перестал ждать для себя хоть чего-нибудь, а спрашивает просто, чтобы услышать собственный голос.

– Шестьдесят девятый, – запинаясь, ответил я.

– Понятно. А где я вообще сейчас?

Я, конечно, понимал, что мой дед врач, а это место – скорее всего, какое-то медицинское учреждение, тут лежат от разных болезней. Но все равно, мне стало немного не по себе. Этот человек задавал какие-то уж очень странные вопросы. Я прикидывал, что мне ответить и как вежливо удалиться, когда дверь на балкон распахнулась, там оказалась женщина в накрахмаленном белом халате. Увидев меня, от изумления она застыла на месте:

– Мальчик, ты кто, ты чей? Немедленно отойди от балкона, иначе я вызову охрану.

Я попытался рассказать про деда, но она резко приказала мне:

– Иди ко входу, там поговорим!

Мне ничего не оставалось, как подчиниться ее словам. Когда я подошел к крыльцу, она уже стояла там, в сопровождении мужчины в форме охранника. Вместе они доставили меня в просторный кабинет, где мой дед и еще несколько пожилых докторов рассматривали какие-то бумаги.

Отведя деда в сторону, врачиха жарко зашептала ему на ухо, неодобрительно косясь на меня. Он что-то резко ответил, махнув в сторону входной двери. Меня вывели из кабинета и передали под надзор секретарше в сером строгом костюме, сидевшей у входа в кабинет. Она тут же предложила попить чай с конфетами и все время сюсюкала со мной

как с младенцем, рассказывая, какой у меня гениальный дед и как его все тут уважают. Когда совещание закончилось, до машины мы шли вместе с дедом. Всю дорогу домой он мрачно хмурился и молчал, не упоминая о случившемся, а я мучился, пытаюсь вспомнить, откуда знаю того человека. Озарение пришло совсем поздно, когда я уже лежал в кровати, но было таким ошеломляющим, что словно какая-то сила выбросила меня на террасу, где дед курил перед тем, как отправиться спать.

– Дед, это же был Гагарин!

– О чем ты?

– Тот больной, с которым я разговаривал, это... Но он же умер, ничего не понимаю!

– Нет, тебе все показалось. Это не он. И вообще забудь об этом месте, дурак я, что тебя туда притащил, надо было с водилой за воротами оставить, идиот старый!

Больше мы никогда на эту тему не говорили. Впрочем, я что-то отвлекся, перепрыгнув сразу через несколько лет того, о чем хочу поведать. Вот оно как, только начинаешь вспоминать и сам не знаешь, куда забредешь. Старческое уже, наверное. Впрочем, в маразм мне еще рано. Просто придется вернуться туда, где я отвлекся.

Когда Сталин умер, у деда имелась уже взрослая дочь от последней молодой жены. К тому времени его супруга, моя, получается, бабушка, давно уже обзавелась другим, близким ей по возрасту мужем, мою мать она хотела забрать

туда же, в свою новую семью, но дед дочь не отдал, запустив кучу связей, чтобы она осталась с ним. Я свою бабушку никогда не видел и очень сомневаюсь, что ее помнила мама. Наконец, у деда появилось свободное время, чтобы заняться устройством личной жизни обожаемой дочери.

Люся особой красотой не блистала, хотя, это кому как, дед всегда настраивал ее на то, что она просто великолепна. Понятно, при таком папаше недостатка в кавалерах не испытывала. Познакомиться с ней, стать своим в нашем доме – значило уже преуспеть, оказаться в сливках высшего общества. Вот и крутились вокруг нее самые разные люди: бездельники из хороших семей, начинающие карьеристы, поставившие себе цель преуспеть всеми возможными способами, и другие, совсем разные, а часто и просто случайные, люди. Все они были бы рады породниться с человеком, который еще совсем недавно власть и силу при своем покровителе имел преогромнейшую. Одно время Люсенька вообразила, что из нее получится гениальная актриса и, успешно поступив в театральный институт, стала завсегдательницей премьер, бенефисов, вернисажей. Увлечения ее сразу сказались и на составе поклонников, возле нее теперь закружилась творческая молодежь: начинающие артисты, художники, певцы, писатели, а еще такие же, как и она, прожигающие жизнь в модных институтах, студенты. Из них она и выбрала мне папашу.

Ее мужем стал начинающий оперный певец, талантливый, подающий надежды и красивый как античный бог. Может,

именно это, а не его связки, вызывало аншлаги в театрах, когда из каждой ложи на него устремлялись жадные и вожделеющие женские глазки, а то и слезы умиления из них капали в непременно кружевной платочек. Но когда Люся стала его законной супругой, вал поклонниц как-то отхлынул, поредел, обнажив не столь блистательные, как казалось издали, обстоятельства. Бас оказался не так уж и юн, хотя до сих пор ходил в молодых и начинающих, а при ближайшем рассмотрении, рядом, а не из партера – и не так уж красив, в этом проявлялось искусство его личного гримера и костюмера. К тому же, был он глухим провинциалом, из какого-то такого местечка, о котором Люся за всю свою жизнь ни разу не слышала, и даже на карте ни разу не видела. И мужем он стал никаким, по многим причинам. Даже, как услужливо шепнули как-то Люсе его бывшие подружки – засматривался не столько на женщин, сколько на мужчин, что, конечно, в те времена, являлось грешком постыдным и требующим сугубой конспирации, иначе и сесть можно было, на неопределенно-долгий срок, поскольку со светлым образом строителя коммунизма, никак этот грех не сочетался. А в довершении всего, оказался он просто пьяницей и дебоширом, которому не место в профессорской квартире на Смоленке, откуда дед его быстренько и попер, выдержав приличный срок после моего рождения. Да и потом постарался сделать так, что предложили моему папе ведущую партию в театре, который находится недалеко от полярного круга, а отказаться тот

не посмел, потому что ближе работы для него никак не находилось. Там он и сгинул где-то в снегах и алкогольных парах. Так что отца я своего не помню и поблагодарить его могу только за презентабельную моложавую внешность, которой всю жизнь был доволен, ну и на том спасибо, тоже немало.

Конечно, такая девушка как Люся оставаться долго одна не могла. И наличие маленького, всего полуторогодовалого сына, препятствием для матримониальных устремлений ее ухажеров не стало. Наоборот, вроде, как и к лучшему. Можно надеяться, что обремененная ребенком принцесса станет доступнее и менее капризной. И обрушился на Люсенюшку шквал новых ухаживаний, закрутил ее, потащил, втянул в воронку светских развлечений. Так бы и потерялась она там, закружилась, и остался бы я со своими няньками сиротой при живой матери, если бы не дед. Я давно уже понял, просто так ничего в этой жизни не происходит. Никогда не добьется своего человек слабый, вялый, глупый, бесхарактерный. А если всего это в тебе нет, а есть, наоборот, характер и удача выигрывать, и уже проявилось, помогло не раз, то и дальше останется, никуда не денется, такой человек умеет заставить слышать себя и уважать.

Потому второго мужа для моей матери и отчима для меня дед выбирал сам, придирчиво и аккуратно, полагаясь на собственное чутье и жизненный опыт, а не на случайные привязанности своей капризной принцессы. Мама вышла замуж, когда мне только-только исполнилось три года. Муж был

старше ее на семь лет, и в свои тридцать два уже сделал блестящую карьеру на дипломатическом поприще. Все вокруг ожидали от него дальнейших свершений, особенно сейчас, когда он породнился со столь известной в узких кругах московского бомонда семьей.

Успешное движение вверх моего отчима по карьерной лестнице, к сожалению, вполне компенсировалось его внешней обыкновенностью, и даже, можно сказать, ущербностью. Под сшитым хорошим европейским портным костюмом, существовал, весь нацеленный на жизненный успех, мужчинка, чуть не дотянувший до среднестатистического роста и размера, с пегими, неопределенного цвета, жидкими волосами и мелкими, как у зайца, чертами лица. Зато, как это часто случается, планы на жизнь у него были наполеоновские. Считавшая себя красоткой Люся, конечно, поначалу, несколько шокировалась выбором отца. Но слушаться единственного в своей беспутной жизни авторитетного человека привыкла с детства, потому что не раз уже убеждалась в его дальновидности и опытности. Дед объяснил ей, что с красивого мужчины можно мало чего взять, так и будет он всю жизнь любоваться только собой и того же ожидать от всех окружающих вместо того, чтобы все силы бросить на выбивание жизненных благ, что в прежней советской стране было делом далеко не простым и удавалось мало кому. А этот, не питающий иллюзий относительно собственной неотражимости, наоборот, всегда будет благодарен красавице-жене,

украшающей его жизнь и расцветивающей ее яркими красками. Да и для своего возраста добился он уже многого, глядишь, и дальше все так же пойдет, вверх и вверх, с божьей и тестя помощью. Опять же, родом он тоже из уважаемой московской семьи, и тут все за него.

Может, оно все так бы и получилось, как рассчитывал мой дальновидный и предприимчивый дед, если бы это касалось только отчима. Единственное, чего не смог он учесть – глупости и примитивности собственной дочери Люси, из-за которой рухнули тщательно рассчитанные планы.

Вообще-то отчим оказался человеком не злым, спокойным и хорошо воспитанным, да еще и обожающим мою экстравагантную мать, уверенную тогда, что все вокруг существует только для ее собственного удовольствия и радости, и еще ни разу не усомнившуюся в этом. И ко мне он, надо отдать должное, сразу стал относиться как к собственному сыну, полюбил. О том, что этот человек – не родной отец, я узнал только десять лет спустя, как это чаще всего и бывает – от доброжелателей, стремящихся открыть глаза подростку на то, что будет больно ему и его близким.

Сразу после свадьбы отчим получил высокую должность в посольстве Бельгии, где все шептались, что вот он, тот, кто со временем сменит посла европейской страны, уже выходящего в тираж в силу преклонного возраста. Так мы, все втроем, оказались в Европе, что тоже входило в планы моего деду – убрать Люсеньку из Москвы, оторвать от местных без-

дельников и бонвианов.

Там, в огромной с росписью и лепкой на потолке квартире безмятежно прошли следующие три года, очень благотворно сказавшиеся на моей матери, которая из пустынькой московской барышни превратилась в очаровательную посольскую даму с настоящим европейским лоском и шиком. Потом отчима отозвали в Москву, за новым назначением. Мне было уже почти семь лет, и я хорошо помню все случившееся, на долгие годы грязным пятном замаравшую последующую жизнь моей семьи.

Мы ехали в поезде от Брюсселя в Москву. За окном мелькали чистенькие провинциальные домики, мама с папой были оживленные, веселые, в предвкушении встречи с родными и друзьями, и я тоже никак не мог дождаться, когда же увижу забытый давно город и гадал, что меня там ожидает. Недалеко от границы взрослые слегка поссорились, о пустяках. Кажется, речь шла о том, в каком ресторане они будут отмечать возвращение. Отчим хотел в Прагу, а мама настаивала на загородном деревянном ресторане. Дело дошло до того, что Люся надулась и заплакала, а ее муж отправился курить в тамбур. И тут поезд остановился на бельгийской границе, начался паспортный и таможенный контроль.

В наше купе зашли таможенники, увидев дипломатические паспорта, досмотр сделали только поверхностный, не углубляясь. Даже закинутые высоко чемоданы не пришлось снимать. Они уже, попрощавшись, отправились к две-

ри, когда мой отчим сделал то, за что корил себя всю последующую жизнь. Придержав за рукав одного из проверяющих, нарочно опустив глаза в пол, тихим голосом произнес:

– Проверьте получше мою жену, я уверен, она обязательно везет что-то запрещенное.

Никогда потом не мог он объяснить, почему поступил так. Просто хотел попугать Люсеньку, с которой они только что повздорили. Такая вот неудачная шутка в тридцать пять лет. Или просто судьба, таким вот образом вмиг поломавшая то, что строилось много лет. Не может человек все в своей жизни планировать досконально, обязательно вмешиваются какие-то обстоятельства, бывает, что и такие вот, курьезные.

Поглядев на вмиг побелевшую лицом Люсеньку, таможенники вызвали по рации специальный наряд, где была женщина, и произвели личный досмотр, проще говоря, обыск. Под платьем моя мама вся была обмотана дорогими брюссельскими кружевами, вывозить которые из страны в таких количествах было, конечно, запрещено. Увидев, чем закончилась его невинная шутка, отчим зарыдал как ребенок, а потом забился в истерику, к нему пришлось приглашать врача. Нас сняли с поезда для выяснения обстоятельств, и в Москву мы вернулись на сутки позже, чем рассчитывали, с грязной кляксой, упавшей на репутацию моего отчима, отмыться от которой тогда было почти невозможно.

Дед, узнав о произошедшем, понятно, стал на рога. Он кричал так, что соседи вызвали милицию, решив, что зять

его убивает. Никогда ни до, ни после этого случая, чинный дом в самом центре Москвы не слышал такого скандала. Но все было попусту, дед, действительно, мог бы умереть там, это все равно ничего не меняло. Надо было хоть что-то делать. Срочно подняв на уши пол Москвы, слезно умоляя всех, кто хоть чем-то мог помочь, отчим через полгода с трудом получил назначение на какую-то несущественную должность в Армении. Там он просидел два с половиной года, судорожно пытаясь восстановить утраченное реноме. И это ему даже отчасти удалось, потому что потом он уехал работать в Дели, и там его забыли на много лет, что было вовсе не плохо, хотя и не совсем соответствовало тем грандиозным планам, что он лелеял для себя раньше. Легально убраться из совка – по тем временам это была уже большая удача.

Индия... моя вторая родина. Нет, не так, моя единственная родина до восемнадцати лет. Ничего другого я почти не знал. Редкие наезды к деду не считались, я не чувствовал себя там дома. Все вокруг казалось серым и скучным, люди – слишком холодными, закрытыми, озабоченными чем-то своим, и даже в самое жаркое лето я мерз, подсчитывая дни до того момента, когда белокрылый лайнер вернет меня туда, где так хорошо. Страна слонов и магараджей! Неправдоподобно роскошная и бесконечно бедная! Однажды приняв в свои объятия, ты вошла в мою душу, поселившись навсегда, чтобы грызть, волновать, звать даже за много километров и лет. Мое самое любимое место на земле! Когда я

еще мог спать, ты снилась мне через день. Я видел ярко-голубое небо, красную пыль под ногами, слышал крики уличных торговцев и тихий звон джимбо, украшений, которые надевают с сари. Я узнаю тебя даже по запаху, если завязать глаза. Так пахнет только там: жаром, словно из печки, гарью, благовоньями, специями, экзотическими маслами. Палящее солнце обостряет все чувства: краски кажутся ярче, еда вкуснее. Или так кажется всегда, когда мы мысленно обращаемся к собственной молодости. Тогда все было ярче и значимей, эмоциональней. Не знаю. Моя юность осталась там, в нереально далеком, чужом для всех моих сегодняшних знакомых мире.

Мы жили в безобидной и никому особенно с формально-политической точки зрения не интересной стране, так далеко от начальства и проверяющих, что могли себе позволить некие послабления, нигде больше невозможные. Отец занимался своими делами, а мама, чуть осмотревшись вокруг, не поверите, почувствовала интерес к бизнесу. У нее появился маленький ювелирный магазин. Сначала она очень боялась, что опять подставит мужа, поэтому оформила лавку на индуса и тщательно скрывала все от своих знакомых и коллег отчима. Но постепенно поняла, что все русские чем-то таким занимаются тоже, просто об этом не принято говорить. Тогда она вздохнула с облегчением и даже придала своей торговле некий международный размах. Предлагала при случае украшения посольским дамам из других стран, а при-

езжая изредка в Москву, оставляла своим подругам целые сумки вещей попроще, для продажи там.

Мама тогда просто влюбилась в затейливые ювелирные штучки, сделанные местными мастерами, и сама с удовольствием носила их. Помню, уже через год она, подобно индийским женщинам, вся была просто увешана золотыми украшениями. В каждом ухе у нее были четыре сережки, и даже некоторое время, тоже подражая индианкам, пыталась носить кольца на пальцах ног. Я помню, мы с отцом смеялись, как неуклюже мама вдруг стала ходить. У местных дам это была бижутерия, а у нее – настоящие брюли. Эти кольца постоянно спадали и у индианок, и у мамы. Потеряв два-три кольца, мама перестала экспериментировать.

Тогда она обратила свой взгляд на нас с отцом. Теперь на каждый праздник она дарила золотые поделки нам. Через несколько лет у каждого собралась приличная коллекция зажимов для галстуков, печаток, запонок, цепочек. Папа изредка еще надевал что-нибудь из этого великолепия при подходящем случае, а у меня все просто лежало кучей в отведенном для этого ящике письменного стола, побрякушки меня никогда не волновали. Но я каждый раз вежливо благодарил маму за очередной подарок. На мое пятнадцатилетие она подарила изумительный браслет: тяжеленный, старинной работы, с двенадцатью крупными бриллиантами. Два тигра сплелись в смертельной схватке. Браслет был сделан так тщательно, что видны были даже зубы, вонзившиеся в шкуру против-

ника. Для мамы его отреставрировали, тогда же на замок была подвешена крошечная буква «А», тоже усыпанная бриллиантовой пылью. В этот раз мама настаивала, чтобы я постоянно носил подарок. Во-первых, потому что красиво, во-вторых, мои одноклассники ходят с украшениями, она сама видела. А в-третьих, этот браслет волшебный, он обязательно принесет мне удачу. Я, конечно, сопротивлялся, но мама просила, и я быстро привык, уже не замечая своего украшения. Мамины заработки позволили нам устроиться удобно, даже с некоторыми излишествами.

У меня была личная служанка, пожилая индианка, которая просто любила меня, как принято там обращаться с детьми, а не старалась воспитать или научить чему-то особенному. Она вкусно кормила, наряжала, провожала и встречала из школы, пела странные, ни на что не похожие песни, когда я болел. Эти песни были красивыми и волнующими, как сказки. В них рассказывалось о старинных героях, что вместе с богами, совершали ратные и человеческие подвиги. Женщины всегда в этих сказаниях были красивы и скромны, а мужчины храбры и предприимчивы. Но больше всего мне нравилось слушать преданья о деяниях богов. Индийские божества были так разнообразны и не похожи друг на друга, и столько удивительных вещей приписывалось им, что я слушал, открыв от удивления рот, как пятилетний.

В посольскую школу я отходил только год, а потом родители, тоже, наверное, что-то нарушая, перевели в доро-

гую, частную, только для мальчиков. Там учились дети богатых индусов и несколько английских и американских мальчишек, их родители тоже работали в Дели. Через полгода я уже прилично болтал на английском и хинди. Помню, недалеко от входа в мою школу часто стоял нищий, собирающий подаяние. Невысокий, темнокожий, уже в возрасте. Мы видели его там почти каждый день, год за годом, пробегая мимо. Он всегда улыбался и кричал нам вслед пожелания хорошего дня. Иногда, если у меня оказывались с собой деньги, я давал ему, и он сразу собирался и уходил, даже если было раннее утро, еще до занятий. Мне очень хотелось узнать, почему он так делает. Как-то я набрался смелости спросить.

– Мне нужен доллар на день, – ответил он, – чтобы прокормить свою семью, а ты мне как раз столько и даешь, поэтому я ухожу.

– Но... ты же можешь постоять еще, сейчас совсем рано, ты соберешь больше денег для своей семьи.

– А зачем? Теперь у меня есть доллар, и есть свободный сегодняшний день, который я могу провести так, как мне хочется. Мне больше ничего не нужно.

Я тогда не понял его объяснения, а сейчас думаю, этому нищему было доступно то, что часто не по карману самым богатым людям – прожить свой день как хочется. Мало кто может похвастаться, что у него часто бывают такие дни.

Мои родители тоже, наконец, успокоились тут, где жизнь текла неторопливо и размеренно по правилам, заведенным

еще много сотен лет назад. Они почти забыли глупое происшествие в брюссельском поезде, через несколько лет уже искренне полагая, как положено у индуистов, что это дхарма, их собственная, индивидуальная судьба, привела их таким извилистым путем сюда, где они, наконец, стали счастливыми. В семьдесят первом году у меня появилась сестренка Маша, дома мы называли ее на индийский манер, Маниша.

Она

Ей всего пять лет, это очень мало, она помнит, какой беспомощной и крошечной чувствует себя тогда. Она стоит посередине огромного чужого двора, битком набитого детьми. Все вокруг старше ее по возрасту, носятся по своим делам, прыгают, догоняют друг друга, ругаются за игрушки, орут так, что у нее закладывает уши. Ужасно страшно. Их только что привезли из другого детдома, находящегося за тысячу километров отсюда. Там у нее была любимая повариха, тетя Настя, к которой можно было прокрасться незаметно, вечером, когда уже все убрано после ужина, и тетя Настя обязательно угостит чем-нибудь вкусненьким: яблоком, ириской, или сыпанет в кармашек ее фартука черные, густо посоленные сухарики, иногда еще горячие, только что вынутые из духовки. Тепло чувствуется даже через фартук и байковое платье под ним.

А здесь она никого не знает, потому всего боится. Вдруг, ей тут будет совсем плохо? Они только что приехали, пацанов увели, а она осталась одна и не спросила, куда нужно идти. Вокруг собираются незнакомые ребяташки. Они рассматривают ее как в зоопарке, но она знает, что сейчас будет, уже ученая. Пока они просто перешептываются и хихикают, но вот, начинается:

– Чернявка, негра, обезьяна! Вы только посмотрите

на нее, уродина!

Оскорбления адресованы ей. Как же она ненавидит свою смуглую кожу и черные волосы. Всегда хотела быть такой как Олька, их кровати стояли в спальне рядом: розовой пухленькой блондинкой, похожей на куклу. Но сейчас не время вспоминать, вокруг уже хохочут в голос, тыкают пальцем, а выкрики становятся все обиднее и оскорбительней. Она привычно собирается и окидывает взглядом толпу. Вон та девчонка, с двумя жидкими белобрысыми косичками и длинным носом кривляется больше всех. Девочка невысокая и тощенькая, пожалуй, с ней можно попробовать справиться, все равно нельзя больше стоять растерехой здесь, у всех на виду и позволять выкрикивать в свой адрес разное. Иначе ее будут так травить здесь всегда, каждый день.

Она срывается с места и бросается на обидчицу, вцепляется в ее ненавистные тусклые волосенки так, будто хочет оторвать их вместе с головой. Сначала все вокруг замирает, крики смолкают в одну секунду, наступает полная тишина. Потом прямо у ее уха визжит кривляка. Толпа ахает и бросается ей на выручку. Она чувствует чужие руки, ее стараются отодрать от девчонки, пихают, бьют, но собирает все свои силы и продолжает тащить ту за косы. Ей не видно, что происходит позади, но она и так точно знает. Сейчас высокий парень с зелеными глазами поднимает с земли камень. Расталкивая собравшихся вокруг, он пробирается к ней....

Черт, черт, черт – она проспала. Не услышала будильник.

Что теперь будет! Что-то было еще, неприятное, выбивающее из колеи, что? Ах ты, опять этот сон! Она не смотрела его уже больше трех лет и надеялась уже не увидеть никогда. Значит, скоро понесется. Начинается обострение. А она так надеялась, что полностью выздоровела после посещения той бабки в Сибири, зря, что ли, у нее неделю сидела, да еще и бешеные деньги заплатила за услуги? Целительница обещала, что все прошло, только ей надо беречь себя, избегать потрясений. Впрочем, ничего удивительного, последний месяц выдался напряженный. Хватит валяться, ей и так не избежать нагоняя. Душ, косметика, одеться. Звонит мобильник:

– Наташка, ну ты где? Кобра на месте, уже раздувается. Я ей сказала, что ты в пекарню побежала, за булочками с сыром, как она по утрам любит. Так что не забудь прихватить! Ты скоро?

– Все, Свет, уже лечу! Проспала!

Где ключи от машины? Куда все пропадает по утрам? Почему ничего нельзя найти? Черт, она же загнала Пежик на сервис! Да и за руль сейчас не стоит. После того сна она уже чувствует знакомую дурноту. Только бы на работе не завалиться. Вот праздник для Кобры будет! Сейчас бы пару часов полежать, отоспаться, глядишь, и отступило бы. Но какое там! Кобра не дремлет! Булочки бы еще не забыть.

Наталья почти скатилась с пятого этажа своей хрущобы и бросилась на дорогу ловить извозчика, чуть не отдавив ла-

пу жирной болонке, которая со своей старенькой хозяйкой неудачно оказалась у нее на пути, намереваясь спуститься в подземный переход

Слава богу, машина, побитая временем Лада, нашлась почти мгновенно. Тут не до изысков. Женщина облегченно прыгнула на пассажирское сиденье. На работе сейчас черте что творится. Не следовало бы опаздывать.

Последние пять лет Наташа проработала в маленьком коммерческом банке. Их отдел внутреннего контроля состоял всего из двух человек, ее самой и начальницы, Светланы Анатольевны. В свои пятьдесят два года, Света была грамотным и опытным специалистом, они всегда успешно проходили все проверки, загодя подготавливая документы, потому что никаких авралов ее начальница не любила. Жизнь в их отделе текла размеренная и плавная, они уже привыкли друг к другу, ничуть не тяготились налаженной работой, подружились и даже делились своими личными секретами. Впрочем, особенных личных дел ни у той, ни у другой не имелось. У Светланы Анатольевны, правда, был муж, взрослые сын и дочь, она как раз сейчас решила порадовать родителей внуком. А у Натальи и того не было – замужем она в свои почти сорок лет была один раз, и то сто лет назад, детей не имела, мужчины у нее в хрущобе иногда появлялись, но не слишком надолго, и ничего серьезного ей уже давно не хотелось.

Все переменялось полтора месяца назад. Банк был продан, новые начальники, в целом, остались довольны рабо-

той их крошечного отдела, и какое-то недолгое время дамы даже лелеяли надежду, что все останется по-прежнему. Но не срослось. Место начальника их отдела потребовалось для какой-то племянницы или содержанки, они особо не вникали, их нового управляющего. Светлана Анатольевна, вспомнив о предстоящих тратах на рождение внука, стиснув зубы, согласилась на должность заместителя, а руководить их отделам принялась эффектная блондинка Кобринина, лет двадцати двух, которую они между собой тут же прозвали Коброй.

Кобра оказалась не шибко умной и продвинутой, но страшно амбициозной. Слабо представляя, чем занимается порученный ей отдел, она все равно каждый раз старалась настоять на своем по любому, даже самому ничтожному, поводу, ничуть не обращая внимание на то, что пытались ей подсказать подчиненные, в среднем вдвое старше ее по возрасту и несоизмеримо больше по опыту работы. Светлана Анатольевна сначала сильно расстраивалась, наблюдая, как разваливается на части то, что она любовно устраивала несколько лет, а потом махнула на все рукой, справедливо решив, что плетью обуха не перешибешь. И вот вчера выяснилось, что их банк своевременно не смог предоставить отчетность. Впервые, за все время, что Наталья тут проработала. Шуму было – не передать! В первую голову, досталось, конечно, Кобре. Но потом она тоже не упустила момента отыграться на вверенном ей коллективе. Наверняка, раз-

борки продолжатся и сегодня.

Когда Наталья, запыхавшись, влетела в их комнату, сжимая в руках промасленный пакет, от которого за версту несло пережаренным тестом, Светлана Анатольевна пряталась за широким экраном монитора. Надутая Кобра застыла за другим столом, всем своим видом демонстрируя, как противно ей находиться здесь, среди подчиненных ей старых бабок, не имеющих никакого почтения к ее высокому посту и, безусловно, изысканной внешности.

– Вот, – фальшиво и подобострастно проблеяла Наталья, – булочки к чаю, свежайшие.

Кобра брезгливо повернулась в ее сторону.

– Какие булочки? У меня с сегодняшнего дня диета. Будете тут жрать, рядом со мной! Кто вам разрешил покинуть рабочее место в самом начале дня? Забыли, что вчера было? Я, что ли, вместо вас работать буду?

Наталья, прикинувшись бессловесной овцой, постаралась как можно быстрее просочиться на свое место, как будто всегда здесь была. Но Кобра все не унималась:

– Понабрали вас тут, бездельников, не черта ни в чем не понимаете! Как с такими работать, не пойму!

Она еще долго бы ругалась, но Наталью спас зазвонивший у начальницы мобильник. Та надолго погрузилась в обсуждение какого-то Романа, который, как поняла Наталья, вчера почему-то отменил свидание, и с тех пор больше не звонит. Светка сочувственно улыбнулась ей и успокаивающе поки-

вала головой. Потом они обе углубились в работу.

Время уже перевалило за полдень, когда на пороге их офиса нарисовалась Милочка, секретарша вице-президента банка.

– Сам вызывает. Всех, но по одной. Наташ, тебя первую, идем.

На негнущихся ногах Наталья выползла из-за стола. С новым вице-президентом ей еще встречаться не приходилось, но все говорят, мужик суровый и какой-то мутный. Вместе с секретаршей они прошли через операционный зал. Как-то там меньше стало сотрудников, и такие все молоденькие. Даже таджички появились. Увольняется народ, не хочет при новой власти жить. Или это политика руководства такая: набрать помоложе, и не из Москвы: поменьше народа, побольше работы, и зарплаты, понятно, тоже поменьше. Так, похоже, и ее время подошло.

В кабинете вице-президента, просторном и светлом, все кардинально переменялось. Исчезли огромный фикус с подоконника, кремовый удобный диван вдоль стены. Надо же, даже мебель успели уже сменить. Пожилой мужчина в затемненных очках указал ей на жесткий стул в самом конце стола для совещаний.

– Присаживайтесь там, Наталья Андреевна! Так, что мы тут имеем, – Наталья разглядела перед ним свое личное дело из отдела кадров, – тридцать девять лет, образования базового нет, Институт культуры. Да-с, хорошо не Институт бла-

городных девиц!

– У меня курсы, при Министерстве финансов, – робко попыталась оправдаться Наталья.

– Курсы, еще скажите – кулинарный техникум. Нет, так не пойдет! Вот, возьмите лист бумаги, пишете заявление.

– Какое заявление?

– Какое? По собственному желанию, конечно. Кстати, две недели можете не дорабатывать, сегодня рассчитаем.

– Но... Куда же я пойду в середине коммерческого года? – голос у Натальи дрогнул, она почувствовала – еще немного, и она разрыдается здесь, перед этим монстром.

Вице-президент снял протереть очки. Глаза у него оказались совсем не страшными, усталыми.

– К сожалению, ничего не могу поделать, не я тут распоряжаюсь. За вашим отделом закреплено две ставки, а у нас тут и так сокращение идет. Хотите вот, могу телефончик предложить. Тоже банк, я раньше там работал. Как раз во внутренний контроль кого-нибудь ищут. Не держите на меня зла, пожалуйста.

Когда Наталья выходила, в приемной уже дожидалась Кобра. Увидев Натальино расстроенное лицо, злорадно хмыкнула.

Волю слезам она дала уже в отделе. Светлана бегала возле нее со стаканом воды, стараясь утешить:

– Да не расстраивайся ты так, что-нибудь обязательно подыщем. Бухгалтеры везде нужны.

– Ага, так меня и ждут, в сорок лет, ты только посмотри, каких девчонок в операционном зале насажали, только что с горшка слезли.

Их прервало появление Кобры. Лицо ее выражало крайнюю степень негодования и презрения.

– Светлана Анатольевна, вас там ждут!

Крикнула, как выплонула. Потом Кобра схватила свою, похоже, змеиной кожи, крохотную сумочку, по-быстрому напялила валявшиеся под столом сапоги, вытащила из шкафа белое приталенное пальто и стартанула из офиса со скоростью отправляющейся на Марс ракеты. Когда за ней захлопнулась дверь, женщины недоуменно переглянулись:

– Что это было? – спросила Светлана Анатольевна, скорее риторически.

– Взбучку, видать, получила. Иди, тебя там, правда, ждут.

– Ну да, моя очередь шишки получать. Пошла я.

– Ни пуха.

Отсутствовала Светлана Анатольевна долго. Наталья успела уже сходить за расчетом в бухгалтерию и даже собрать все свои немногочисленные вещички. Голова разболелась, на душе было тяжело, но она решила все же дождаться подругу, попрощаться. Вернулась та с виноватой улыбкой.

– Наташ, ты только не обижайся на меня. Тут такое дело вышло. Они меня опять начальником отдела делают, а Кобра просто у меня работать будет. Не понравилось им, как все с отчетностью получилось. Я сейчас полчаса вице-пре-

зидента уламывала, чтобы он тебя оставил, а Кобру в операционистки перевел, она же тухлая совсем, а банковский контроль – не шутки. Но он ничего не может, велено ему так. Вот, номерок телефона тебе передал. Сказал, чтобы обязательно позвонила. Ты не горюй, правда, может, эта Кобра сама уйдет, не захочет ко мне под начало.

– Да никуда она не денется, все равно все делать ты будешь, а она только зарплату получать. Где еще синекуру такую найдет? Ладно, не поминай лихом, пошла я. Что-нибудь придумаю.

– Я тебе вечером позвоню, держись!

Когда Наталья добралась до подъезда, голова, не смотря на проглоченную горсть таблеток, болела так, что хотелось кричать. Дурнота волной подкатывала к горлу, после каждого шага приходилось останавливаться, чтобы отдышаться. Она с трудом попала ключом в замочную скважину, перед глазами все размылось в неясные контуры. Наконец, захлопнула дверь, успев повернуть замок, и прямо в сапогах и пальто свалилась на диван. Начался приступ. Сознание отключилось от всего, что снаружи.

Глубокая ночь. Небо усыпано яркими звездами. Она стоит у огромного костра, от него пышет жаром. Непривычная одежда сковывает движения, мешает. Она подняла руку, чтобы поправить волосы. Это не ее рука, совсем узкая, кожа темная, почти черная, на запястье собралась в морщины под тяжелым, белого металла, браслетом, и волосы тоже не ее,

они жесткие и плотные, уложены в тяжелый узел на затылке. Где это она? Какой-то мерный шум рядом. Тут, позади. Это море, плещется в пяти шагах от нее. Она стоит в толпе странно одетых людей: мужчины в белых длинных юбках, обвязанных вокруг талии, голые до пояса, или в оранжевых рубашках и штанах, расшитых по краю серебряной нитью, женщины, обмотанные разноцветными тканями, к ним прижимаются дети. Все смотрят в сторону от моря, чего-то ждут. Почему она оказалась здесь? Что сейчас будет? Вот по толпе пробегает шум, что-то начинается, но ей не видно. Толпа расступается. Там, за ней, горят воткнутые в песок свечи, с двух сторон огораживая тропу, ведущую сюда, вниз, к костру. Люди вокруг нее запевают протяжную тягучую песню на незнакомом языке. Между свечами появляются мужчины в белых одеждах. Они несут на руках статую женщины, отлитую из золотого цвета металла. Двигутся они неторопливо, останавливаясь, замирая после каждого шага. Там, где они проходят, люди опускаются на землю, протирают руки к золотой женщине. Наконец, носильщики подходят к костру и бережно ставят статую подле него. Какой-то мужчина рядом дергает ее за одежду, и она тоже падает на колени, острая боль пронзает ноги. Это вовсе не ее тело, оно не хочет слушаться. «Парвати, Парвати», – шепчет тот мужчина около нее, и еще какие-то слова, она не может разобрать. Она просто смотрит, на золотое лицо скульптуры. Отблески от костра скользят по нему, кажется, золотая женщина улы-

бается лично ей. В непонятном для себя порыве, протягивает к ней руки и слышит, нет, чувствует глубоко внутри, ни с чем не сравнимую радость, покой. Перед ней великая богиня, она принимает ее, смертную, ободряет, успокаивает перед тем, что свершится совсем скоро. Непонятно как, у нее в руках появляется кусок дерева с закрепленной в нем горящей свечой. Она с трудом встает и спешит к морю. Десятки людей уже бродят у берега, опуская в воду плоски со свечами. Черная вода словно усеяна светлячками. Она тоже заходит в море, босые ноги ощущают ласковую недвижно-блестящую воду. Наклоняется, чтобы опустить свою свечу, и видит, в неверном колеблющемся свете огонька свое отражение. Это не ее лицо, все в уродливых морщинах, а волосы белее снега. Она совсем старуха.....

Когда Наталья пришла в себя, вокруг уже стало темно. Волосы были мокрыми от пота, а в голове пусто и гулко, каждый звук казался ужасающе громким, она слышала даже, как течет вода за стенкой у соседей, и раздражалась. Так всегда бывает после приступов, через пару часов пройдет. Она неуклюже сползла с дивана, зажгла свет, переделалась в домашнюю одежду. Из зеркала в ванной на нее глянуло серое, словно вымазанное краской лицо, с огромными синяками под глазами. Хорошо, что завтра на работу не надо, можно будет отлежаться. Она перебралась на кухню и нажала кнопку электрического чайника.

Телефонный звонок чуть не убил ее, все внутри завибри-

ровало в такт с ним. Поколебавшись секунду, стоит ли отвечать, все-таки подняла трубку:

– Алле?

– Наташ, ты куда делась? Я тебе весь вечер звоню, уже волновалась, – это опять была Светлана Анатольевна.

– Свет, не кричи ты так, мне не хорошо, – слабым голосом отозвалась хозяйка.

– Ой, Наташ, – Света понизила голос почти до шепота, – опять, да? Я уж думала – все прошло у тебя, совсем. Я и не кричу вовсе, просто спросила. Ты как там? Хочешь, приеду?

Подруга была в курсе Натальиных проблем. Еще лет пять назад, когда они только начинали работать вместе, Наташу несколько раз прихватывало на работе, и Светлана ее не сдала, пусть и испугалась первый раз безумно, а, наоборот, в такие моменты старалась, чтобы ничего не стало известно начальству. Но потом приступы прошли, и они обе искренне полагали, что навсегда.

– Нет, Светик, не надо приезжать, я уже оклемалась, отсплюсь.

– Хочешь, я Вовке позвоню, он приедет?

Тогда же, еще в самом начале их дружбы, Наталья на всякий случай сообщила начальнице кому позвонить, если ей станет совсем худо. Светлана с Вовкой давно познакомились и тоже подружились.

– Нет, не надо, я уже ложусь.

– Ладно, спокойной ночи тогда, завтра поговорим.

Вовка был как раз тем парнем из сна, на три года старше. Когда ее тогда, пятилетнюю, привезли в новый детдом, и она набросилась на девчущку, дразнившую ее, он ударил Наташу по голове камнем, чуть-чуть не попав в висок, на четыре месяца уложив в кому. Казалось бы, Наташа должна люто ненавидеть того, кто в полном смысле слова, поломал ей жизнь. Но все обернулось иначе. Вовка был первым, кого она увидела, придя в себя. Потом ребята и воспитатели рассказывали, что он сам чуть не умер там, во дворе, увидев, что натворил, две недели тоже провалялся в больнице с нервным срывом, а потом каждый день тайком бегал к ней, самовольно сбегая из детдома. Воспитатели пытались не пускать его, запирать, но тогда он плакал так, что мог опять загреметь в лазарет. И тогда взрослые смирились, разрешив ему ходить к ней в больницу, благо, находилась травматология на соседней улице. В ее палате он проводил все свободное время.

Когда она, наконец, поправилась и вернулась в детдом, парень и там продолжал ходить за ней хвостиком, оберегая от реальных и мнимых опасностей. Наташа даже представить себе не может, какой была бы ее жизнь без Вовки, которого все в их детдоме уважали и побаивались за безбашенную смелость. Он никогда ничего не пугался и всюду лез напролом. Вместе с Вовкой она пережила и первый свой припадок. Это случилось примерно через полгода после того, как отошла от комы. Они тогда забрались на чердак, выкрав пред-

варительно ключ у сторожа, когда он спал у себя в сторожке после обеда. На чердаке было пыльно и жарко, дело происходило в самом конце мая и, в общем, ничего особенно интересного не оказалось, там хранили поломанную мебель и старые, никому не нужные вещи. Они все-таки покопались в корзинках со старыми игрушками, Вовке досталась вполне приличная ключка со стертой треснувшей шайбой, а ей – мягкая розовая кошка, величиной с ладонь, которую она собиралась постирать в шампуне, чтобы еще больше распушилась. Довольные, они уже собирались вниз, напоследок решив заглянуть в окно, как смотрится их двор отсюда. Наташа глянула вниз, и все поплыло у нее перед глазами, она оказалась совсем в другом месте.

Тогда она тоже увидела морской берег, пляж, маленькую бухту среди нагромождения камней, только днем. Вообще, море почему-то часто присутствовало в ее видениях. Позади, в конце пляжа, высились огромные, никогда не виденные ею раньше деревья с широкими листьями, пальмы. Небо было синее-синее, тоже непривычное, песок желтый. Невысокие волны плавно катились на берег, оставляя причудливый узор. Солнце светило так ярко, что у нее сразу заболели глаза. Картинка то приближалась, то отдалялась от нее, словно она смотрела, покачиваясь в лодке, недалеко от берега. На пляже сидели в обнимку двое. Совсем молоденькая девчонка, с темной, как полированное красное дерево, кожей, одетая в шелковые широкие брюки и такую же туни-

ку. Черные вьющиеся волосы были распущены и тяжелыми волнами падали, струились на песок. В ушах горели на солнце яркие серебряные кольца, тонкие запястья и щиколотки позванивали браслетами. Ее спутник, тоже совсем мальчик, выглядел по-другому: загорелый, голубые глаза, со светлыми длинными волосами, спускающимися на обнаженную грудь, в полосатых, странного покроя брюках, кожаных сандалиях. Он нежно обнимал подругу и что-то говорил ей, Наталье не было слышно. Эта картинка казалась такой мирной, спокойной, родной, что придя в себя, Наташа не сразу поняла, где находится, ей показалось даже – у нее что-то незаслуженно отняли, что ей просто необходимо. Вовка тогда переполюшил весь дом, очнулась Наташа уже в медпункте, куда он притащил ее, рыдающий от ужаса. Потом она еще полгода обследовалась у врачей, но без толку.

А еще через несколько лет Наталья заметила за собой и вовсе странное. Она может, если захочет, читать чужие мысли. Это было вообще необъяснимо. Первый раз это случилось с ней прямо в школе, на уроке математики и так поразило, что она даже на какое-то время выпала из окружающих ее реалий. Она вдруг ясно услышала, или почувствовала, что их учительница, объясняя способы решения уравнений, одновременно думает совсем о другом, своем. У нее сильно болеет мама, целыми днями лежит в постели, и учительница очень волнуется, как она сейчас там одна. С ней рядом никого нет, потому что муж не ночевал дома, так ча-

сто бывает в последние дни. У него есть другая женщина, молодая. Учительница сожалеет и переживает об этом тоже, но не так остро, как за мать. Ей очень хочется выйти сейчас на секунду из класса, чтобы позвонить домой. И сквозь окутавшую ее странную пелену, Наталья слышит:

– Ребятки, я сейчас вернусь, а вы пока решайте уравнение номер двенадцать, ты, Соколов – у доски. И чтобы тихо было!

Первые дни Наталья ходит как оглушенная, прислушиваясь внутренне к тому, что думают люди вокруг нее: подружки, учителя и воспитатели, регулировщик на перекрестке. Вихри чужих, часто непонятных, мыслей завиваются вокруг нее, затягивают, пугают, не дают спокойно жить. Но постепенно она привыкает к своим странным способностям, отчасти берет под контроль. Теперь она может запускать их уже только тогда, когда хочется ей самой, и даже иногда специально использует себе на пользу. Ее подружки девчонки и Вовка скоро тоже замечают за ней что-то новое и интересное, и тоже, случается, прибегают к ее услугам, когда им что-нибудь нужно. А еще позже также начинают поступать и взрослые, детдомовские воспитатели.

Став взрослой, она неоднократно пыталась лечиться. Все говорили одно и то же: последствия детской травмы, спасибо скажи, что жива осталась. Обмороки – обычное дело даже после простого сотрясения мозга. Поначалу Наташа

еще пыталась рассказывать, что во время приступов видит странные, загадочные картины, и даже вне обмороков с ней творится что-то непонятное, но врачи как-то невнимательно слушали об этом, никак ничего не объясняя. Когда они были детьми, рассказывала свои виденья Вовке, он даже сам каждый раз расспрашивал ее, воспринимая все как чудесные сказки. Но с годами и он привык думать, что она все выдумывает, сочиняет. И женщина перестала рассказывать то, что виделось ей. Для всех окружающих это были просто глубокие внезапные обмороки.

В отличие от Наташи, у Вовки была мать, лишенная родительских прав на него. Когда Наталье было одиннадцать, а ему – четырнадцать, Вовкина мать образумилась, завязала с выпивкой, вышла замуж за дядю Леню, токаря с мебельной фабрики, и забрала сына домой. Но и тогда они не перестали дружить, писали друг другу письма. А когда Наталье исполнилось восемнадцать, и она закончила школу, Вовка приехал в Москву, они поженились.

Это была хорошая жизнь, пусть сначала и не очень сытая. Но через десять лет начались проблемы – Вовка очень хотел детей, а она не могла – врачи не советовали, не знали, как поведет себя полученная в детстве травма, да она и сама боялась, мало ли чего, вдруг не сможет растить малыша. Так же Володе не нравилась ее работа. Еще в раннем детстве Наталья поняла, что самое интересное для нее – танцевать. Только в танце чувствовала она себя полностью здоро-

вой и счастливой. Музыка заполняла ее всю до краев, и она кружилась, неслась, ощущая себя нотой, каплей, и весь мир принадлежал только ей.

Когда они поженились, Вовке оставалось еще два года до окончания института, и она пошла работать, где придется, только чтобы он смог доучиться. Побывала она тогда дворником, официанткой, диспетчером в троллейбусном парке, библиотекарем. Но ей всегда хотелось танцевать. Когда Володя выучился – пришла ее очередь, она поступила на вечернее отделение Института культуры и попыталась найти работу, связанную с танцами. Ей удалось устроиться в дом культуры вести кружок бальных танцев для малышей. Времена тогда были такие – в стране все рушилось и ее зарплаты хватало от силы на неделю. Муж ее, молодой специалист, тоже зарабатывал гроши. Да и кружок бальных танцев – это было не то, к чему она стремилась. И тогда Наташа потихому пошла танцевать стриптиз. Как раз тогда в Москве появились первые такие заведения. Вовка прознал об этом через месяц и, конечно, расстроился. Но особого выбора не было, там платили реальные деньги. Прошло еще несколько лет – и Вовка тоже что-то придумал, открыл мастерскую по производству мебели, тоже научился зарабатывать. И попытался посадить жену дома: варить обеды и растить детей. Но с детьми было нельзя, а в стриптиз Наталья к тому времени уже втянулась. Это, конечно было не то, о чем она прежде мечтала, но все равно танец, внутри которого она чувствовала себя

так, как хотелось.

На разводе она настаивала сама, и правильно, как оказалось, сделала. Сейчас у Володьки заботливая женушка и двое смешных пацанов. Но с Натальей они все равно продолжают дружить, по существу, он так и остался самым близким человеком для нее. Оттанцевала она до тридцати трех лет, а потом пришлось искать другое занятие. Так и оказалась в банке. Одно время она еще пыталась преподавать стрип пластику, но это дело у нее не пошло, хорошим учителем стать не получилось, да и требования к стриптизу и стриптизерам изменились. Когда все начиналось, туда шли из балетных студий, училищ, и танец еще нес на себе приметы классики, костюмированного искусства. Однажды, случайно зашедший в их клуб режиссер даже предложил ей сняться в историческом фильме, станцевать стилизованный под старину индийский танец. Она тогда долго раздумывала над постановкой, много читала. Разбирала, словно под микроскопом, Бхаратанатью и Ласью, изучила десятки мудр. Конечно, просто влюбилась в индийских танцовщиц. По легенде, сначала танцы были доступны только небожителям, богам. Первыми танцорами в мире стали Шива и его жена Парвати, так проявлявшие свои небесные чувства друг к другу. Это оказалось очень близко Наталье, танцуя, она тоже ощущала себя богиней. В обычной жизни она считалась особой скромной и зажатой, а в танце раскрывалась до самого доньшка, выплескивая то, что волновало душу и тело без всякого стес-

нения. Особенно удался ей тот красивый индийский танец. Фрагмент был снят, но в фильм не вошел, его сочли слишком откровенным. Эту свою работу она до сих пор вспоминает с удовольствием.

Утром Наталья проснулась в отвратительном настроении. Хорошо еще, без будильника, его она, как и все работающие по восемь часов в день, ненавидела всей душой. Мысли в голову лезли противные. Опять эти приступы и непонятно, что делать. Она, конечно, сегодня ходит к своему врачу, но толку от этого будет – ноль, все это уже было, та только сочувственно поцокает языком, разведет руками и ничего не сделает. Одна надежда, что за последнее время, пока ей казалось, что все прошло, придумали какие-нибудь новые лекарства, вдруг какое-нибудь поможет. Впрочем, ей не привыкать жить, соблюдая осторожность во всем.

И еще работа! Вспомнив, что случилось вчера, Наталья громко застонала. Вот, черт, как не вовремя! И как назло, никакого подкожного жира, накоплений, все ушло на Пежика, она купила его только четыре месяца назад. Кстати, надо забрать бедолагу, сейчас не до профилактик, каждая копейка на счету. Нужно немедленно искать работу, пока не оказалась на паперти. Так, она дает себе три дня на разборки с врачами, машиной, отдых и составление внятного резюме, а потом ищет новую работу. Решено и подписано!

Три дня пролетели как один миг, и она с головой зарылась в интернет для поисков подходящего места работы.

Да вот беда, почти на всех подходящих вакансиях значилось: «До тридцати пяти лет». А где заветных слов не было, их произносили по телефону или вежливо выслушивали ее, обещали связаться и пропадали навсегда. Светлана Анатольевна тоже пыталась помочь подруге, роя во всех направлениях. Но и у нее пока ничего конкретного не вырисовывалось. Приезжал Вовка, предлагал место диспетчера по отправке мебели заказчикам, но она отказалась, зная, как относится к их дружбе Вовкина жена и не решаясь лишней раз попусту волновать ее.

Через неделю Наталья, от отчаянья, решила обратиться к другим вакансиям, не требующим квалификации: продавцов, складских работников, менеджеров. Но получилось еще хуже. Здесь хотели видеть совсем молодых, никого ее опыт работы не интересовал, а разговаривали просто грубо, хотя зарплаты едва-едва составляли половину от той, что она получала в банке. Через две недели Наталья уже была близка к критической точке отчаяния. Ей уже стало казаться, что работы у нее не будет никогда. Деньги таяли как лед на жару, спасал только верный Пежик. Пришлось побороть свой страх и заняться извозом, чтобы хоть иногда разжиться сотней-другой.

Наконец, когда все возможности были исчерпаны, Наталья положила перед собой листочек с номером телефона, что дал ей вице-президент ее прошлого банка, и глубоко задумалась. Ей очень не хотелось звонить по этому номеру.

Там придется сослаться на вице-президента, а она вовсе его не знает, да и обзывать у того, кто лишил ее прежнего места работы, совсем не хотелось. Но ничего другого не остается. Скорее всего, тут тоже откажут, как и везде, но, по крайней мере, она будет считать эту карту разыгранной. Ответил женский голос, назвав абсолютно незнакомый ей банк.

– Здравствуйте, я слышала, вам нужен человек в отдел внутреннего контроля?

– Ничего не могу сказать. Ждите. Сейчас переключу на кадры, – в телефоне заиграл Чайковский. Следующий голос уже был мужским:

– Слушаю.

– Здравствуйте. Мне говорили, у вас есть вакансия в отделе внутреннего контроля.

– А кто говорил?

Пришлось назвать имя вице-президента.

– Да, знаю. А что вы можете нам предложить?

Наталья кратко пересказала свое резюме. Голос стал довольным:

– Тридцать девять лет, нет базового образования, только курсы, пять лет работы во внутреннем контроле, – голос на несколько секунд замолчал, видимо, его обладатель обдумывал, как ловчее спровадить просительницу. Наталья больше уже ничего не хотела, и только молила про себе, чтобы с ней не обошлись слишком грубо.

– Ладно, подъезжайте, послезавтра к десяти, найдете меня

в кадрах. На месте посмотрим. Но, честно сказать, мы уже подобрали кандидатуру. Желаю здравствовать!

Вот так! Хорошо это или плохо? С одной стороны, ее все же зовут на собеседование, а с другой – у них уже есть человек. Непонятно, зачем ей туда. Скорее всего, для устрашения другого соискателя: вот, еще страждущие есть, на слишком большую зарплату не рассчитывай, другие желающие найдутся. Знаем эти игры, проходили, участвовали. Но других альтернатив нет, придется наведаться в банк.

Послезавтра, без пятнадцати десять Наталья уже входила в вертящиеся стеклянные двери маленького коммерческого банка, расположенного на севере Москвы. Информацию она почерпнула из сети, и она оказалась совсем неплохой: государственная лицензия, многолетнее стабильное существование. По крайней мере, узнать что-то компрометирующее ей не удалось. Она поняла, что вовсе не отказалась бы поработать в этом месте. Вернее, ей уже этого даже хотелось. Но, отчетливо понимая все свои слабые стороны для работодателя – даже не надеялась. Чтобы попасть в кадры, надо было подняться на лифте в ту часть банка, где располагались офисные помещения. Лифт оказался современным, скоростным, от которого замирает и сжимается все внутри. Наташа вышла из кабины, глубоко вздохнула, собираясь с духом, чтобы меньше волноваться и... сама не заметила, как свалилась в глубокий обморок у самого начала широкого, покрытого ковролином, коридора. Сказались волнения последних

дней.

Сегодня она проснулась очень рано. У них праздник, и всю ночь женские голоса на разные лады пели «Харе Кришна, харе Рама». Их деревня далеко от моря, полчаса надо шагать по узкой тропинке, чтобы выйти на пляж. Она еще мала, чтобы бегать туда одной. Отец и братья строго запрещают. Вдоль дороги хватает наглых обезьян, они ненавидят людей, мужчины их прогонят, а девочку могут обидеть, особенно если увидят у нее в руках что-нибудь съестное, а то и укусят. Зубы у них острые и грязные, укусы будут заживать долго. Она сама видела, как мучился три недели мальчишка из соседней деревни, и теперь у него шрам на щеке, которого он стесняется, потому что стал некрасивым. Но сейчас раннее утро, в деревне будет фестиваль, на пляже, наверняка, никого нет. Отец с братьями ушел куда-то. Самое время добежать до моря, поиграть с волнами. Она так любит их.

Она выходит из жалкой, покрытой пальмовыми листьями лачуги и все время оглядываясь по сторонам, прокрадывается на узкую тропинку, ведущую на берег. Ее никто не заметил! Она побежит так быстро, что ни одна обезьяна не сможет догнать. И никто ее не увидит! Страшно, конечно, но вон, впереди уже блестит вода, и желтый песок, еще совсем немного. Вот она и на месте, скорее в море, ласковая вода остужает разгоряченные бегом ноги. Она немного поплещется здесь и вернется в деревню, чтобы никто не заметил ее отсутствия. Перед ней вытасенные на песок лодки,

на них сети. Там лежит и их лодка, но отец не пойдет сегодня в море, он вчера говорил ей. Сегодня большой праздник, все должны быть в деревне. Так что, ей нечего бояться....

– Рашми, – вдруг, кричат рядом с ней, – что ты делаешь здесь? Сколько говорили – не бегать на берег!

Рашми – это она. Ее назвали в честь солнца, чтобы была такой же теплой, красивой, полной жизненных сил. И правда, она очень любит, когда светит солнце, ей кажется даже, что днем, когда все вокруг залито лучами, люди становятся добрее и спокойнее, чем вечером или ночью. От лодок к ней бегут отец и братья. Оказывается они тоже здесь, на берегу. Ей ужасно стыдно, что не сдержала обещаний, она прикрывает рукой глаза, мужчины не должны видеть ее слезы, но не может сдержать всхлипываний. Последнее, она слышит, как кричит напуганный папа:

– Кто тебя обидел, почему ты плачешь? Что случилось, Рашми?

Он (сейчас)

Сегодня я решил заняться делами. Съезжу в банк. Иногда я люблю наведаться туда внезапно, чтобы посмотреть хозяйским глазом, все ли в порядке. Банк «Полярный», собственно, последнее, что у меня осталось. Я продал практически все, что имел. Надоело ежедневно забивать свою голову тем, как заработать еще больше. У меня что-то есть, и хватит, деньги – вовсе не то, к чему я стремился с ранней молодости. Может, как раз поэтому, они всегда доставались мне легко, правда, и также легко уходили. Ладно, от голода в ближайшие десятилетия мне не грозит умереть, это самое главное. Никак только не решу, что делать с «Полярным». Там отличный управляющий, приглядывающий за всем. Дела, вроде, идут хорошо, пока можно оставить все как есть. Продать всегда не поздно. Знакомые часто спрашивают меня, зачем я все распродаю, чего хочу? Может, задумал новый проект? Или желаю поселиться где-нибудь в Майами, как делают сейчас многие, кому хватает средств? Да нет, я никуда не собираюсь. И ответа на такие вопросы у меня нет. Сам не знаю, просто мне уже не интересно заниматься всем этим. Пусть кто-нибудь другой крутится, нервничает, старается. Но отвечать так вопрошающим – бессмысленно. Они все равно не верят, подозревая, что я затеял нечто грандиозное, скрывая от всех. Впрочем, это уже их проблемы. В Ин-

дии, например, считается, что первую половину жизни человек отрабатывает те грехи, которые нажил в прошлом воплощении, а во второй половине – уже разбирается с тем, что наделал при жизни сам. И вот, если в первой половине жизни много ошибок не понаделано – во второй наступает покой, пустота: все уже сделано, отработано. И тогда человек уже сам должен искать себе новый путь, дело, которым займется, увлечется, иначе, получается: все дела сделаны, все отработано, дальше жить незачем.

Поеду, посмотрю, как там мой «Полярный», потом можно будет поплавать в аквапарке, как раз по дороге. Как уныло и грязно на улицах под дождем! В такую погоду кажется, что так будет всегда, словно сидишь в клетке и смотришь по сторонам, и никто никогда тебя оттуда не выпустит. Скоро пойдет снег, тогда станет хоть чуть чище, приятнее, правда, я ненавижу холода. Иногда мне кажется, что зимой я мог бы впасть в спячку как медведь, все равно на три месяца погружаюсь в какое-то полусонное, заторможенное состояние, кроме тех дней, когда мне удастся вырваться куда-нибудь к морю. Сейчас, когда у меня, наконец, образовалось свободное время, надеюсь, это будет случаться чаще.

Вот и банк. Я бросаю машину у самых ступеней, преимущество, доступное только хозяину. Когда вылезая, привычно рассматриваю, суетню, что начинается у охраны. Сейчас они спешно сигналият вверх, что я приехал. Пока прохожу к лифту через первый этаж, в окошках для обслуживания по-

сетителей – сосредоточенная дрожащая тишина, все уткнулись в столы, делая вид, что страшно заняты работой. Смешно. Как будто я не знаю, как это все бывает. Кот из дома – мыши в пляс.

Я выхожу из лифта на втором этаже. Ко мне уже спешит управляющий.

– Алексей Геннадьевич, здравствуйте! Очень рад вас видеть. Что же вы не сообщили, что подъедете, просто чудом застали, я собирался в министерство. Пойдемте, я вам обо всем доложу.

Управляющий хватает меня под руку и тащит в сторону моей приемной. Краем глаза я замечаю непривычную суматоху. Там, у стены, собрались, в основном, женщины. Они возбужденно гудят, что-то обсуждая и рассматривая, не видное мне отсюда. Вот к ним присоединилась уборщица тетя Маруся со стаканом воды в руках, проталкивается дальше и мне больше ее не разглядеть.

– Что у вас тут такое? Пойдемте, глянем.

Но цепкие пальцы управляющего еще крепче впиваются в рукав моего костюма.

– Да ничего особенного, Алексей Геннадьевич, там женщине плохо стало. Посторонней, она даже у нас не работает. Вообще не знаем, кто такая. Сейчас разберемся, не волнуйтесь Алексей Геннадьевич, в Скорую уже позвонили.

Но я стряхиваю со своего локтя настырного управляющего и отправляюсь туда, где все столпились. Не сказать, что

мне уж очень интересно, но хоть какое-то происшествие, можно отвлечься. Потому что я прекрасно знаю, что меня сейчас ожидает. Управляющий уволочет меня в кабинет и потом на разные лады будет часа полтора грузить тем, как оно тут у них все происходит. Да не интересно это мне вообще, давно прискучило. А придется делать вид, что я весь – внимание, хмыкать, качать головой, поддакивать, создавать видимость. Я уже устал от всего этого. С трудом заставляю себя приезжать, только по инерции – так положено, проверять тех, кто работает на тебя.

Служащие передо мной расступаются, и я, наконец, вижу все сам. Там, на составленных вместе мягких стульях, которые, наверняка, притащили из ближайшего отдела, лежит женщина. Рядом хлопочет тетя Маруся: машет на нее газетой, брызгает водой. Но все напрасно, ничего не помогает, женщина без сознания. Я внимательнее приглядываюсь к ней, вдруг она умерла, здесь, в моем банке, в разгар рабочего дня, это будет ужасно. Не молодая, невысокого роста, но сложена хорошо. Мне видны ее крепкие ноги, обутые в скромные лодочки на высоком толстом каблуке. Лицо смуглое, темное, с ярким румянцем, похоже, живое. Черные, не очень длинные волосы растрепались. Глаза закрыты. Ко мне сразу приходит мысль, что они наверняка густо синего цвета, могу с кем угодно поспорить. Определенно, я видел эту женщину раньше, только вот где, никак не могу вспомнить. Может, мы встречались по работе? Я оборачива-

юсь к управляющему.

– Виктор Владленович, вы здесь? Кто она? К кому пришла?

– Вот, – он протягивает мне раскрытый паспорт, – достали из сумочки. Никто ничего не знает. Пока не выяснили, как она здесь оказалась.

Жаль, что по черно-белой фотографии нельзя узнать цвет глаз. Наталья Андреевна. Это имя ничего не говорит мне. Я ее не знаю. Вроде все ясно. Не стоит задерживаться здесь. Пора идти слушать управляющего, а то вон он как нервничает, на часы поглядывает, куда-то торопиться. Что он там говорил, в министерство что ли? Я уже разворачиваюсь, чтобы уйти, когда женщина вдруг широко распахивает глаза. Действительно, они у нее ярко-синие. Я угадал! От этого почему-то становится тепло на душе. Да какое мне дело до этой незнакомки и цвета ее глаз? Надо вздуть охрану за то, что невесть кто шляется по внутренним помещениям банка, еще бы в кассы пропустили! И тут женщина произносит:

– Что случилось, Рашми?

Ее глаза опять закрывается, голова еще сильнее запрокидывается назад. Все еще в обмороке. Я застываю, как пораженный молнией. Рашми... Господи, откуда она знает это имя? Это было сто лет назад! Со мной! Воспоминания наваливаются на меня, мне кажется, я сам сейчас потеряю сознание. Не хватало еще и мне завалиться здесь, рядом с ней. Вот будет развлечение для моих служащих! Жесточайшим

усилием, я беру себя в руки. Сейчас не время. У меня будет, что вспоминать сегодня ночью.

Она

Сквозь неплотно сомкнутые веки виден дневной свет. Тусклый, какой-то серый. Ах да, сейчас же осень, поздняя, хмурая. На солнце не стоит рассчитывать. Где это она? Что случилось? Уже понятно, опять приступ, теперь все вспомнила, и маленькую девочку на берегу моря в том числе. Она же шла наниматься на работу? Господи, как неудачно получилось. Где она? Даже страшно посмотреть.

Наталья неохотно открывает глаза, первый ее взгляд на наручные часы – всего десять минут одиннадцатого. Странно, как в этот раз все быстро закончилось. Такого никогда не бывало. И чувствует она себя получше, чем обычно в этих ситуациях. Может, ей что-нибудь вкололи? Хотя, вряд ли, что только не пробовали врачи, было бесполезно. Так, надо набраться мужества и глянуть по сторонам. Наталья осматривается. Она лежит на удобном черном диване, кожаном, под головой такая же подушка. В незнакомой просторной комнате, на окнах жалюзи, стол для переговоров. Нет, это не комната, какое-то учреждение, кабинет. Вот, за письменным столом сидит мужчина, подперев кулаками подбородок, и пристально, не отрываясь, смотрит на нее. Пожилой, но в хорошей форме, похоже, высокого роста, массивный, дорогой серый костюм сидит как влитой, волосы коротким седым ежиком. Глаза светло-голубые, прозрачные,

холодные, как у викингов, или как она представляет себе их. От его взгляда хочется немедленно завернуться во что-нибудь теплое и мягкое, залезть туда с головой, чтобы укрыться от пронзительного холода, исходящего незнакомцем. А, собственно, почему он так смотрит, это, по меньшей мере, невежливо. Что она такого сделала? Да, упала в обморок, так и что, с каждым может случиться. Что же, ее теперь четвертовать за это? Работы ей тут точно не видать после такого. Значит, нечего здесь разлеживать. Наталья садится на диване, спускает вниз ноги. Вроде, голова не кружится, можно отправляться домой. Только надо что-нибудь сказать хозяйну.

– Извините, что побеспокоила.

Незнакомец, кажется, с трудом отрывает от нее взгляд.

– Ничего особенного, Скорая уже едет.

– Нет, я не хочу. Они мне не помогут. Лучше я пойду.

– Как знаете, я не задерживаю.

Наташа поднимается с дивана. Конечно, лучше было бы еще полежать, но чувствует она себя на удивление прилично, и мужчина говорит очень тихим голосом, так, что не раздражает ее. Все терпимо, можно идти.

– Постойте, – останавливает ее порыв хозяйин кабинета. – Хочу вас спросить. Вы что, знаете конкани?

– Кто он такой? – изумлению Натальи нет предела. Какое хитрое имя, или фамилия!

– Это язык, диалект, на нем говорят в южной Индии.

– Не имею представления, у меня только английский и немного французского. С чего вы взяли?

– Вы говорили на нем там, в коридоре, когда упали без чувств.

– Да? Интересно! И что я сказала?

– Kasa Jalle, Rashmi?

– Что это означает?

– Это значит – что случилось, Рашми?

Наталья, конечно, помнит все, что видела во время обморока. Но и что теперь? Отчитываться здесь, перед этим? Она даже толком не знает, перед кем. Последний раз она рассказывала свой приступ Вовке, когда ей было лет десять, таким образом, почти двадцать лет назад. Нет, этот обойдется, она не обязана. Опять вытарачился на нее, даже, кажется, не моргает.

– Мне пора. Не хочу встречаться с врачами со Скорой.

– Еще один вопрос и все. Что вы делали в моем банке?

– На работу пыталась устроиться.

– Куда?

– В отдел внутреннего контроля.

– Я понял. Можете идти, сейчас вас отвезут домой, – мужчина потянулся к телефону.

– Не стоит. Я на колесах.

– Куда вам сейчас за руль, после обморока? Еще где-нибудь отключитесь, а потом скажут, что после собеседования в моем банке вам так плохо стало. Вроде, издеваются у меня

тут над безработными. Нет, не пойдет такое, тогда отвезут на вашей машине. Где стоит авто? Не спорьте.

Спорить у нее, правда, нет сил. Аудиенция заканчивается, она, наконец, отправляется на улицу. Возле Пежика уже ждет молодой охранник в форме, из холла, она видела его, когда проходила по первому этажу.

И вот она снова дома, и все еще без работы. Будет ли когда-нибудь конец этому бесконечному, бесплодному поиску? Еще пара дней, и она, забив на все, отправится наниматься уборщицей в ЖЭК, будет мыть подъезды в своем доме. А что – не такое плохое решение. Не всем же начальниками быть, как тот мужик в костюме, что пристально глазел на нее. Нет, какая невоспитанность! Она все же женщина, нельзя так смотреть на постороннего человека. Интересно, кто он вообще такой? Со всеми вопросами – в интернет. Наталья открывает сайт «Полярного» банка. Так, учредители, совет директоров, вот он! Банк принадлежит ему! Господи, каким образом она попала к нему в кабинет? Она же направлялась в кадры! И точно помнит, что упала в коридоре, только-только выйдя из лифта. Странно! И мужик странный. Что за взгляд. И еще было что-то необычное. Ах да, он сообщил ей, что она разговаривает на каком-то индийском языке. Тоже непонятно, до сих пор она считала, что в Индии говорят на хинди. Как он сказал? Кажется, конкани. В таких делах интернет – тоже первый помощник. Ничего себе, в Индии почти столько же языков, сколько и штатов, она даже

не представляла. На конкани говорят на юге, в Гоа и Карнатаке. И... что? Ни там, ни там она никогда в жизни не была. Что же получается, во время своих приступов она использует чужой, незнакомый язык? Как такое может быть? Не может, чушь какая-то. Что-то тот мужик перепутал, не дослышал. Но... он произнес те же слова, что слышала в своем сне она сама. Непонятно, лично ей самой кажется, что там, в ее видениях, все говорят по-русски. А посторонние, выходит, слышат другое? Да не было никогда при ней никаких посторонних, если только в детстве, она всегда старалась дотерпеть до дома, когда получалось, конечно. Стоп! Светка несколько раз была с ней во время приступов на работе. Надо срочно позвонить ей и спросить.

– Алло, Наташенька, как ты там?

– Свет, я попозже тебе позвоню, домой, а то Кобра рассердится, что ты болтаешь, а сейчас только на секундочку спросить хочу, – о своем припадке Наталья решила не упоминать, чтобы не волновать подругу.

– Какая Кобра? Теперь она сама подо мной. Вон, сидит, головы не поднимает. Конечно, что ты хочешь спросить?

– Помнишь, когда я несколько раз заваливалась на работе, я тогда что-нибудь говорила?

– В смысле?

– Ну, может, слова какие произносила, предложения?

– Сейчас подумаю. Бормотала что-то, да, всегда.

– А что?

– Знаешь, я несколько раз пыталась разобрать, но так и не поняла ни слова. Это было как-то... бессвязно. Только ты не обижайся, пожалуйста.

– Да нет, что ты! Свет, а как ты думаешь, это мог быть иностранный язык, не русский? В смысле, что это не слоги такие отдельные, а я действительно что-то говорила, на чужом языке? Я сейчас книжку одну читаю, там говорится, что во время таких приступов больные могут запросто заговорить на другом языке.

– Однако, у тебя и вопросы! Не знаю, что и ответить, Это точно был не английский, французский, итальянский, немецкий, испанский. Короче, замаялась перечислять. Это было не похоже ни на один из тех языков, что я слышала раньше. Наташ, это тебе от безделья такая хрень в голову лезет, точно! Как у тебя там, ничего нового?

– Нет, Свет. Спасибо! Ты извини меня, что с пустяками пристаю, пойду дальше вакансии обзванивать.

– Давай, удачи тебе!

Ничего она толкового не узнала, можно было бы и не звонить. Но как странно. Она же точно помнит, что в ее сне папа кричал: «Что случилось, Рашми?» Именно так, как она сейчас произносит, по-русски! Что же получается? Слышит она эту фразу по-русски, а произносит, выходит, на каком-то неведомом ей конкани. И как такое может быть? Нет, лучше даже не заморачиваться, ей не понять. Если только к психиатру обратиться. И это нельзя, еще в психушку упекут за та-

кие вопросы. Оно конечно, может и здорово – на всем готовом. Но это уже совсем на крайний случай. Да и после работы она уж точно не найдет.

Хотя, с другой стороны, что-то в этом во всем есть. Она как-то не задумывалась об этом раньше, но вот эти ее видения, не Индия ли? А что, похоже, море везде, пальмы, обезьяны опять же. Но она там никогда не была. Посмотреть, что ли, картинки? В каких там штатах говорят на этом языке? Вот, Гоа и Карнатака. Что ж, вполне все могло происходить там, да. И вообще – какие замечательные виды, все такое яркое, солнечное, даже чем-то знакомым кажется. Но это она уже, того, переживает. Надо просто при okazji слетать туда, когда будут деньги.

Он (много лет назад)

Рашми, девочка моя, я еще вспомню о тебе. Впрочем, никогда и не забывал. Вот только, лучше будет вспоминать все по порядку. А до тебя еще осталось несколько лет, которые я просто обязан рассказать. Подожди немножко, ты – самое любимое, что было у меня.

Ну что ж, так дальше мы и жили: папа занимался своей работой, мама торговала безделушками и воспитывала Манишу, а я ходил в школу, рос и искренне наслаждался всем вокруг. Но всему в этой жизни рано или поздно наступает предел, а когда тебе хорошо, лучше, конечно, чтобы попозже.

Наступил тысяча девятьсот семьдесят третий год, я учился в выпускном классе, и мои родители начали поговаривать о том, что мне пора собираться к деду, домой. Дед поможет мне поступить в МГИМО или МГУ, откуда я выйду с отличным дипломом, и, возможно, продолжу то, что не удалось моему отчиму. Какая отвратительная привычка – сваливать на детей то, что не смог совершить сам и ожидать, что они будут от этого счастливы. Мне вовсе не хотелось ничего такого. Я нормально учился и мечтал о Делийском университете. Но родители даже выслушать меня не захотели. Им казалось, что нужно устроить все как можно лучше. Подогревал их, конечно, и дед, который всех нас любил и скучал,

не мог дожидаться, когда я приеду, считал дни.

Имелось тут, правда, еще одно обстоятельство. Выросшие дети дипломатических работников обязательно должны были возвращаться домой, отрываться от родителей. Это было непреложное правило, даже закон, с отчасти политической окраской – такая демонстрация лояльности и преданности далекой родине. И никого не волновало, что разбивались семьи. Либо отправляй детей домой, к кому хочешь, или возвращайтесь все вместе и сидите вокруг подросткового чада без дальнейших перспектив, потому что личные интересы предпочли государственным. Конечно, кое-кто нарушал и эту установку, я сам знал даже двадцатипятилетних оболтусов, которые все еще, якобы, продолжали учиться в Дели. Но мой отчим – он не хотел рисковать. Вернее, не в его, уже однажды подорванном положении, было решаться на такое, по тем временам серьезное, нарушение. Конечно, ведь он отвечал еще за мою мать и Манишу, да и все мы знали, что дед для меня костями ляжет, только чтобы все было лучше всех. Но мне было семнадцать, я страшился незнакомой обстановки, да и просто не хотел никуда уезжать. Мне кажется, к тому времени я уже стал и чувствовал себя больше индусом, чем русским, тем более, советским гражданином. СССР – для меня это просто было слово, понятие, огромная страна на холодном севере, где все время происходят какие-то события, о которых пишут в газетах. А еще, не забывайте, в Индии всегда чувствовалось английское влияние, и я с са-

мого детства читал о своей далекой родине весьма неприятные вещи, перепечатанные из западной прессы.

И что мне было делать? Я решительно не знал. И как это часто бывает у подростков – стал грубым, упрямым, раздражительным, стараясь настоять на своем. Родители просто не узнавали меня. И наступил такой день, в феврале, до окончания школы уже оставалось всего три месяца, когда я громко объявил, что никуда не поеду. А если меня отправят силой – сам схожу дома куда надо и расскажу о маминном бизнесе. И тут отчим ударил меня, впервые за то время, что я помню. Не очень больно, я уже тогда был намного выше и крупней его, скорей обидно. Тогда я уже несколько лет знал, что он не родной отец, но очень уважал за любовь и дружеское участие к себе. Но такого не был намерен терпеть. Сейчас я, конечно, понимаю, как трудно было тогда родителям, они тоже не хотели расставаться и мучились вместе со мной. Отчим просто не знал, что делать, чтобы оставить все по-старому. А я грубил. А он терпел. А потом не выдержал – сорвался.

Мама расплакалась, за ней заревела маленькая сестренка, отчим тоже был на пределе. Они заперли меня в нашем доме подумать обо всем и отправились втроем на прогулку, проветриться. Дома никого не осталось. Я быстро собрал себе легкий рюкзак с самым необходимым и открыл сейф в родительской спальни. Где лежит ключ от него, я знал, у нас в семье никто ничего не скрывал. Поколебавшись, забрал

на пятьсот долларов рупий. Потом через окно чердака выбрался на крышу и спустился вниз по шаткой водосточной трубе. Если бы я тогда знал, что никогда в жизни больше не увижу родителей, конечно бы остался. Но никому не дано заранее предвидеть свой путь, или свернуть в сторону, особенно, если он уже предопределен.

Несколько часов я просто бродил по городу, даже не слишком обращая внимания где, занятый своими печальными мыслями. Начало темнеть, я все-таки осмотрелся вокруг, и обнаружил себя на Пахар Гандж Мейн Базаре – самой странной и страшной улице в Дели. Здесь, за рядами крошечных лавок и магазинчиков, размещаются самые дешевые в столице отели, даже не гестхаузы, а просто крошечные клетушки, которые каждый может снять от одного доллара за ночь и выше. И живет здесь потому, кроме самых нищих индусов, всякий сброд со всех концов света, прибывший в Дели за впечатлениями и дешевой наркотой. Родители никогда не разрешали мне здесь появляться, и это был, наверное, первый случай, когда я зашел так далеко вглубь сюда, да еще в одиночестве.

Я огляделся по сторонам. Вокруг был рынок, шумно и многолюдно, суетливо, отвратительно воняло от куч отбросов под ногами. Бесцеремонные торговцы хватали за одежду, надеясь затащить к себе в магазины. Со всех сторон тянулись за милостыней уличные попрошайки, некоторые безобразно искалеченные, другие больные проказой. К моей но-

ге уже прицепился какой-то малыш, монотонно повторял: «Нет папа, нет мама, одну рупию, мистер». Это, наверное, его единственные и первые слова, что он недавно научился говорить. Конечно, неприятно, как-то здесь всего этого много, но, в целом – привычно. Я давно уже навидался подобных картин и в других районах. Главное – чтобы тебя не обчистили, но деньги и документы я надежно спрятал в пояс под одеждой. Такими поясами здесь пользовались почти все – единственная возможность что-то наверняка сохранить.

Пока я гулял по улицам – немного успокоился. И теперь прикидывал, как лучше сделать – вернуться домой сейчас, чтобы продолжить разборки с родителями в надежде все-таки настоять на своем, или пропасть на несколько дней, сняв номер где-нибудь в гостинице, чтобы они стали поговорчивей. Конечно, я не буду жить здесь, отправлюсь где почище. Я уже начал озираться в поисках моторикши, чтобы в кабине спокойно решить, куда мне направиться, когда мое внимание привлекла интересная картинка. В тесном переулочке между домами была припаркована смешная машина: неопределимой уже марки, вся ржавая, исходного цвета тоже невозможно было понять, она вся была разрисована забавными картинками: улыбающиеся рожицы, солнышко, цветочки, домики, человечки. На капоте, торчащем на улицу, восседал молодой человек приковывающей взгляд внешности. Он явно не был индусом, европеец, с длинными, заплетенными в мелкие косички волосами, схваченными

на лбу кожаным раскрашенным ремешком. Черная рубашка была расстегнута, обнажая грудь, украшенную татуировками и длинными бусами, спускавшимися до самой массивной пряжки ремня, поддерживающего тесные черные брюки, расклешенные книзу. Ступни были засунуты в кожаные шлепанцы, как носят индусы. В руках у чувака была гитара, а под бампером валялась черная кепка для сбора пожертвований. Но не он сам поразил меня больше всего, а то, как пела его гитара.

Это была какая-то запредельная музыка: мрачная, с постоянно повторяющимися монотонными фрагментами, она наводила на тяжелые размышления, может быть как раз сейчас созвучные мне. Но там было что-то еще: непривычное напряжение, ожидание, вот-вот что-то произойдет, когда ты перевалишь через вершину, непременно хорошее, свершится катарсис: обновление, очищение. Я заметил, что не только я не могу отойти от музыканта, возле него уже собралась небольшая толпа, состоящая преимущественно из индусов, другие слушатели близко не подходили, замерев, подобно мне, на противоположной стороне улицы. Словно ласковые морские волны покачивали меня, убаюкивая, и заставляли ждать чего-то прекрасного. Я просто не мог уйти оттуда, простояв, как в забытии, два часа. Уже стемнело, разошлись зеваки, замер торговый шум вокруг, а я все продолжал слушать, теперь парень играл для меня одного. Наконец, отзвучал последний аккорд, и он устало спрыгнул на землю.

– Иди сюда, чего ты там замер, – крикнул мне. В его английском я уловил незнакомый акцент. Этот человек учил его явно не здесь. Робея, я все-таки подошел, потому что просто не мог еще уйти, после того что испытал и почувствовал.

– Ты кто, как тебя зовут? – продолжал незнакомец.

– Алекс, – я давно уже привык представляться так, чтобы не напрягать окружающих непривычным звучанием своего имени.

– Откуда ты?

– Я живу здесь, в Дели.

– Это понятно, мы все сейчас в Индии. Откуда ты прибыл?

– Я русский.

– Русский??? Ха, никогда не видел русских. Ты – первый.

У тебя есть, где ночевать?

Я растерялся, услышав такой вопрос, но мне был интересен этот человек, было бы любопытно узнать его поближе. Может, тогда я пойму, почему его музыка так заморозила меня. Да и еще два часа назад я, помню, не особенно рвался домой. Пусть меня там поищут, побеспокоятся. А пока проведу время так, как мне хочется.

– Нет.

– Хочешь со мной?

– Можно.

– Тогда садись, меня зовут Берт, – парень распахнул дверцу своего веселого лимузина. Еще секунду поколебавшись, я

залез внутрь, и мы осторожно покатались по замершим к ночи улицам. Ехали мы совсем недолго, минут пять, остановившись под вывеской скромного гестхауза. Берт запер машину и провел меня по лестнице вверх, в крошечную комнату под самой крышей. Здесь поместилась только огромная двуспальная кровать, стул и раковина за занавеской.

– Душ и удобства во дворе, как выйдешь – направо, – оповестил меня новый знакомый. Но мне это сейчас не требовалось. Гораздо больше заинтересовал маленький, отделенный решеткой уголок на крыше, вроде балкона. Оттуда открывался живописный вид на местные помойки. Уже начало темнеть, и тут и там становились виднее костры, около них грелись бездомные индусы.

– Понравилось? Я уже второй раз здесь останавливаюсь, из-за этого балкончика. Есть хочешь? Тут внизу отлично готовят масалу.

– Позже.

– Тогда давай курнем, – Берт тоже вышел на балкон и устроился рядом со мной на полу. В руках у него была длинная, похожая на флейту трубка, в которую он запихивал траву. Кажется, ее называют чилим. Я не раз видел, как такие трубки курили индусы и знал, что там отнюдь не табак. Как-то раз мы с мальчишками даже пытались попробовать во время школьной перемены, кто-то притащил такую штуку в школу, но попались на глаза директору, и он долго ругал нас.

Наконец, Берт раскурил трубку и предложил мне. Стараюсь не упасть в грязь лицом, я тоже вдохнул сладковатый, пахнущий сеном дым. И тоже решил побольше узнать о своем случайном знакомом.

– А ты кто, откуда, и что здесь делаешь?

– Я-то? – Берт повозился, устраиваясь удобнее, – из Голландии, знаешь, такая страна, где много тюльпанов. Да ничего особенного, как все, играю. Слышал, наверное, «секс, драгз, рок-н-ролл»?

Конечно, я что-то об этом слышал: сексуальная революция, Мик Джаггер, Rolling Stones, но не очень хорошо разбирался. В нашей элитарной школе для мальчиков объясняли, что все это придумано бездельниками и лентяями для того, чтобы ничего не делать, а потому вредно, неправильно и стыдно. Глядя, как я раздумываю, что ответить, Берт опять взял гитару и запел:

Знаю, повесть не нова, объяснить тебе пытаюсь.

Но не понят, как всегда, зря стараюсь!

Научившись говорить, только слушать был обязан!

Но теперь я вижу путь, он мне предсказан!

В путь – я по нему пойду!

– Знаешь, это Кэт Стивенс!

Нет, этого имени я точно прежде не слышал, но мне понравилось, как Берт спел. В песне были такие слова, будто обращенные прямо ко мне.

– Я собираюсь в Гоа, говорят, сейчас там интересно.

Теперь я наострил уши, о Гоа я что-то слышал, там собирались какие-то люди, что называли себя «хиппи», дети цветов. Об этом писали в газетах, индийское правительство было недовольно этим интересом европейских бродяг к побережью и активно осуждало то, что творится в Гоа. Мне стало немного страшно, но ужасно любопытно. И еще меня насторожило слово «наркотики» в той, всем известной мантре. Но Берт быстро развеял мои опасения:

– Лично я только балуюсь, могу пыхнуть разок, ничего серьезнее – ни-ни. Ладно, теперь ты расскажи о себе.

Наверное, под действием тех затяжек, что я все-таки сделал, я рассказал ему абсолютно все: чем занимаются мои родители, даже про деда сумел упомянуть, и почему я оказался ночью здесь, в таком непривычном месте.

– А лет тебе сколько? – поинтересовался он, дослушав все до конца.

– Семнадцать, а тебе?

– Двадцать восемь. А у меня своя история – только что развелся, с таким шумом, что самому противно, и вот, уехал отвлечься. Собираюсь в Гоа. Машину тут купил, за гроши, у нашей девчонки, она домой улетала, чуть попутешествую, а потом – на побережье. Может, и ты со мной?

Мне очень понравился этот человек, может быть потому, что раньше, за всю свою семнадцатилетнюю жизнь я не встречал таких, свободных, раскрепощенных и уверен-

ных в себе людей никогда. От него так и струилась Шанти – спокойствие. И еще – я действительно был обижен на своих родных, мне казалось, что они решили обойтись со мной несправедливо и гадко. А потом – просто любил Индию и не видел ничего плохого в том, чтобы неделю-другую попутешествовать по стране в приятной компании. Я еще успею вернуться в школу и сдать выпускные экзамены. По крайней мере, так я думал тогда.

Потом, уже дома в Москве, я год за годом множество раз заново вглядывался, переживал этот эпизод, стараясь понять, почему выбрал именно так тогда, и было ли это правильным решением. Можете смеяться, но постепенно я пришел к выводу, что это была Сансара, колесо судьбы, которое в тот момент провернулось, чтобы переломить и запустить мою жизнь по-новому, туда, куда нужно. В общем – я согласился продолжить свой путь с Бертом.

– У тебя есть деньги? – спросил он, когда я сказал, что решил остаться с ним.

– Пятьсот долларов.

– Достаточно, у меня значительно меньше. Вдвоем все будет дешевле. Только, пожалуйста, сними свой браслет, если не хочешь, чтобы нас где-нибудь пристукнули из-за него.

Я снял тигров и, аккуратно завернув в носовой платок, спрятал во внутренний карман рюкзака, напоследок подумав, что если что-то пойдет не так – можно будет продать их. На загорелой коже запястья осталась белая полоса. На се-

кунду взгрустнул, вспомнив о маме, но быстро прогнал детские мысли. Еще у меня был счет в банке. Там лежали тоже пятьсот долларов. Так родители пытались приучать меня к цивилизации. Можно будет воспользоваться им, но это уже на самый крайний случай.

Началось наше месячное путешествие по стране на древней развалюхе, которую Берт ласково называл Гренни, старушка. Это было чудесное время. Но сейчас мне нужно попробовать заснуть, хотя бы с лекарствами, уже почти утро, и если мне не удастся – весь завтрашний день пойдет насмарку, а у меня еще есть дела.

Она

Наталья сидела на кухне, уставившись в окно, за которым ничего не было видно из-за ливня, серой стеной закрывшего обзор. На плите закипала турка с кофе, рядом, на столе валялась пачка легких сигарет, на которую она иногда с вождением поглядывала, но пока терпела, одну она сегодня уже употребила. Курить при ее здоровье, вернее, его отсутствии, нельзя категорически, и она совсем не хочет окончательно загубить себя. Но сейчас обстоятельства стали критическими, вчера пришлось занять некоторую сумму у Вовки, а что делать дальше – непонятно. Вернее, у нее есть три выхода. Первый – все-таки сходить в ЖЭК, попроситься в уборщицы. Хоть какие-то деньги, можно будет некоторое время перекрутиться. Второй – согласиться с Вовкиным предложением, как бы ей и не хотелось работать на него. И последний – продать Пежик, ее единственную ценную вещь, но этот уж и вовсе – душераздирающий.

Ничего не остается другого. Наталья потянулась к телефону, чтобы позвонить Вовкиной жене, объяснить, что просто вынуждена будет какое-то время поработать на бывшего мужа. Но тут с противным шипением убежал кофе, она бросилась за губкой, а прямо под рукой сам зазвонил телефон.

– Алло, – недовольно буркнула в трубку запыхавшаяся Наталья.

– Наталья Андреевна? Банк «Полярный», – звонко прошебетали оттуда, – оставайтесь на линии, сейчас с вами поговорит Алексей Геннадьевич.

И в трубке опять заиграл Чайковский, «Времена года». Вообще-то, она ничего не имела против классической музыки, и конкретно, Чайковского, но только до тех пор, пока эти звуки не были растиражированы телефонными операторами, теперь она просто ненавидит их, как предупреждение того – сейчас ей придется разговаривать с равнодушными чиновниками. Послышался низкий мужской голос.

– Вы уже подыскали себе работу? – вот так, с ходу, даже не поздоровавшись.

– Нет, – проблеяла Наталья, хотя внутри нее все мгновенно вскипело, подобно убежавшему кофе, и больше всего ей захотелось с силой шмякнуть трубку обратно на телефон.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.